

AN

Zweisprachiger
literarischer
Almanach

DER

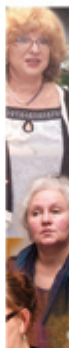

HA

Wuppertal

Двужычны
літаратурны
альманах

КУЛЬТУР

KULTUREN

2013

В НАЧАЛЕ БЫЛО ЛИТКАФЕ

Дорогие читатели!

«Хочу организовать встречи, на которые люди, любящие литературу, шли бы с интересом, а уходили чутьочку счастливее».

Эта идея поэта и журналиста Владимира Авзена, с которой он пришёл к нам, в общественную организацию родителей Вупперталь Wuppertaler Elternverein 3x3 e.V., счастливо совпала с нашими задачами и устремлениями. А именно: объединение людей разных возрастов по интересам, организация их активного досуга; создание возможности для общения людей, говорящих на немецком и русском языках; межкультурная коммуникация с помощью знакомства с немецкой и русской литературой и переводами с языка на язык; приобщение и поощрение к творчеству...

С января 2012 года в кафе «City-Treff», а затем в актовом зале Каритаса регулярно при активном участии членов совета Вупперлиткафе и (что принципиально важно!) самих посетителей проходят литературные встречи. Исторический экскурс в прошлое (беседы «Литераторы-эмигранты „Серебряного века“»), творчество любимых поэтов и писателей (Борис Чичибабин, Давид Самойлов, Иосиф Бродский и другие), общение с интересными авторами-современниками (Даниил Чкония, Марина Гершенович, Вадим Левин и другие), встречи с немецкими литераторами из Бохума, интеллектуальные литературные игры, возможность для посетителей литкафе вынести на публику своё творчество или просто прочитать любимое стихотворение, спеть бардовскую песню – далеко не полный перечень того, что происходит на таких посиделках. Органично вписались в эту работу организация нами в 2012 году (год России в Германии и Германии в России) международного конкурса детского творчества и проведение фестиваля по его итогам.

Первый периодический билингвистический сборник творчества гостей и посетителей Вупперлиткафе «На перекрёстке культур», который вы держите в руках, – небольшая, толика нашей работы. Хочется думать – одна из очень важных.

Ольга Зуськова,
председатель Wuppertaler Elternverein 3x3 e.V.

AM ANFANG WAR DAS LITCAFE...

Liebe Leserinnen, liebe Leser!

»Ich möchte gerne solche Treffen veranstalten, zu denen die Literaturliebhaber mit Freude kommen würden und von denen noch mehr Freude mitnehmen würden«.

Diese Idee von Dichter und Journalist Volodimir Autsen, mit der er zu uns, in die Wuppertaler Elternverein 3x3 e.V., gekommen war, ließ sich glücklicherweise mit unseren Anliegen und Streben sehr gut vereinbaren. Das ist der Sinn und Zweck unserer Arbeit, die Menschen unterschiedlicher Altersgruppen nach ihren Interessen zu vereinigen, ihre Freizeit aktiv zu gestalten, die Gelegenheit für die Verständigung zwischen Deutsch- und Russischsprachigen zu schaffen, den Menschen das schöpferische Denken und Werken nahezubringen und es zu befördern. Interkulturelle Kommunikation, Bekanntschaft mit deutscher und russischer Literatur mithilfe von Übersetzungen dient all diesem aufs beste.

Ab Januar 2012, erst in der Kaffeestube »City-Treff«, dann im Kultursaal von Caritas finden regelmäßig die literarischen Treffen statt, woran nicht nur die Ratsmitglieder des »Wupperlitcafe«, sondern auch, was besonders wichtig ist, die Gäste aktiv teilnehmen. Die Streifzüge in die Geschichte der Literatur (»Die Literaten-Emigranten des »Silbernen Zeitalter«), das Leben und Schaffen der beliebten Dichtern und Schriftstellern (Boris Chichibabin, Dawid Samojlow, Iosif Brodskij und andere), Zusammentreffen mit interessanten modernen russischen und deutschen Autoren (Daniil Chkonja, Marina Gerschenowich, Vadim Levin, Mitglieder des Literaturvereins »Bochumer Literaten« und andere), literarische Quizz-Spiele, die Gelegenheiten für die Gäste, auch ihre eigene Werke oder einfach die Lieblingsgedichte vorzutragen, die beliebten Lieder zusammen zu singen – das ist bei weitem noch nicht alles, was diese Treffen zu bieten haben. Als ein naheliegendes, wichtiges und erfolgreiches Teil unserer Arbeit erwies sich auch die Veranstaltung des Kunstwettbewerbes für Kinder im Jahr 2012, dem Jahr des Russlands in Deutschland und des Deutschlands in Russland, mit dem anschließenden Festival.

Das erste zweisprachige Almanach »An der Kreuzung der Kulturen« mit Werken von unseren Autoren, dass Sie jetzt in der Hand halten, ist nur ein kleines Teil unserer Arbeit. Man möchte nur hoffen, dass es ein bedeutsames Teil ist.

Olga Zuskowa,
der Vorsitzende Wuppertaler Elternverein 3x3 e.V.

ПОД
ПЕРЕПЛЁТОМ
КНИГИ

ПРАВО ОДЗВНЫХ
ЯЗЫКА

AUF
GEBUNDENEN
BLÄTTERN

ZWEI

VERSCHIEDENE
SPRACHEN

Владимир
АВЦЕН

Volodymyr
AVTSEN

ПОПЫТКА УТЕШЕНИЯ

Романс

Пюбимая, не плачь,
не то ноябрь разбудишь –
дохнёт на город наш
дождями и тоской.
Он нынче тих и добр.
А что меня не любишь,
так это ведь для слёз
не повод никакой.

Что делать, если нам
отмерены судьбою
неравный срок любви
и долгий – нелюбви?
Что делать, если нам
намечено с тобою
такую жизнь прожить?
Что делать? Се ля ви.

VERSUCHTE TRÖSTUNG

Romanze

(Deutsche Übersetzung: Melitta Neumann)

Geliebte, weine nicht,
Sonst weckst du den November.
Noch ist er nicht so grau,
Ist mild und herbstlich bunt.
Und dass du mich nicht liebst,
Das können wir nicht ändern.
Für Tränen, glaub mir, ist
Das kein ernster Grund.

Die Liebe ist nur kurz,
Doch lang ist die »Nicht-Liebe«
So lang ist diese Zeit,
Es scheint, sie endet nie.
Was soll's, wenn dieses Los
Uns beiden ist beschieden.
Geliebte, weine nicht,
Don't worry; c'est la vie.

Ну, вот, я так и знал
по окнам дождик лупит,
по веткам ветер бьёт
размашисто и зло.
Что ж делать, если тот,
другой, тебя не любит?
Любимая, не плачь,
нам всем не повезло.

Опавшая листва
с годами прахом станет,
настанет час и мы
вот так же опадём.
Не плачь. Ещё на век –
на твой и мой – достанет,
о чём погоревать
и порознь, и вдвоём.

РУССКО-НЕМЕЦКИЕ «ТАНКИ»

Алкаш из местных
другом обозвал,
на водку попросив.
Горжусь: хоть дать ещё не в силах,
зато понять сумел без словаря!

На распродаже шлёпки оторвал
за двадцать центов.
Ночь провёл без сна:
оказывается, рядом за углом
такие же за десять мог купить.

Nun sieh! Ich hab's geahnt,
Da kommt auch schon der Regen –
Schlägt an die Scheibe hart
Und trommelt auf das Blech.
Wenn jener andre Mann
Dich auch nicht liebt, deswegen,
Geliebte, weine nicht:
Wir hatten alle Pech.

Das abgefallen Laub
Verwelkt und wird begraben.
Es dauert nicht mehr lang,
Dann sind auch wir so weit.
Doch weine nicht, noch nicht:
Wir beide werden haben
Für Tränen später Zeit,
Ob einzeln, ob zu zweit.

RUSSISCH-DEUTSCHE TANKAS

(Deutsche Übersetzung: Eugenia Komarova)

Mit »Freund« sprach mich
auf Deutsch ein Penner an
und bat um Kleingeld.
Bin nun voller Stolz:
zwar konnte ich dem Kerl kein Bier spendieren,
doch ich verstand ihn ohne Wörterbuch.

Beim Schlussverkauf neue Latschen hab'
für zwanzig Cent ergattert...
und danach
bekam ich keinen Schlaf, da es ergab sich,
dass nebenan die gleiche gab für zehn.

Антисемит, налогоуклоняльщик,
путанолуб, мздоимец, наркоман –
что ни политик, то и смертный грех!
Что ж мы из нас, из праведных таких,
достойного не выберем никак?..

Что предпочтительней: снотворных горсть
или с моста – головкой?
Ночные мысли...
А наутро
потерянную пуговицу жаль.

– Небось, поэт? – Двух слов не слажу в рифму.
– Прозаик? – Даже писем не пишу.
– Художник, стал быть? – Лишь в сортире школьном
я рисовал известный всем сюжет.
– Так я ошибся? Ты не иммигрант?!

За пивом в кнайпе эту жизнь клянут
и хвалят взапуски былую
казахский немец
и еврей с Украины.
...Этюд на тему «Русская тоска».

Der eine hasst die Juden, der andr'e
frönt der Hurerei, ein dritter ist bestechlich,
noch einer – Steuerhinterzieher...Lieber Gott,
Politiker sind alle Todessünder!
Sind wir, allesamt gerechte, nicht imstande
mal einen würd'gen unter uns zu wählen?

»Was wäre besser : Schlaftabletten schlucken
oder kopfüber von der Brücke springen?« –
der nächtliche Trübsinn...
Und gleich am Morgen
dem abgerissenen Hemdknopf nachweinen.

»Schreibst Du Gedichte?« – »Kann keinen Reimen bilden...«
»Vielleicht, Geschichten?« – »Nicht mal einen Brief!«
»Dann bist Du Maler?« – »Nur noch als Schulbube
hab' was skizziert auf der Toilettentür«
»Dann irr' ich mich, Du bist kein Immigrant?«

In der Kneipe bei dem zehnten Bier
verfluchen auf Russisch ihr Dasein
und rühmen die Vergangenheit zwei Kumpel:
ein Deutsche aus Kasachstan und ein Jude
aus Ukraine... Ein Bild zum Thema:
»Die russische Sehnsucht nach Heimatland«

БЕЗ УМА...

Одним прекрасным утром в райкоме партии раздался звонок:

- Алле, здравствуйте! У вас ум упал.
- Кто говорит?
- Прохожий.
- Что вы себе позволяете?!
- Ничего... У вас действительно упал ум!

Выяснилось, что со стенда показателей района, над которым аршинными буквами красовалось привычное «Партия – ум, честь и совесть», обрушился «ум». Лежа на дороге, он изрядно веселил проходящий люд.

Звонившего поблагодарили за сигнал, «ум» убрали, чтобы потом приварить на законное место. Но времена уже были смутные, перестроечные, и «ум» на райкомовский щит так и не вернулся. Более того, однажды под ноги прохожим упала «честь», а затем и «совесть». «Партия» почему-то удержалась и еще долго венчала пустующий стенд.

Просто партия – без ума, чести и совести.

OHNE VERSTAND...

(Deutsche Übersetzung: Janina Fuxman)

Eines schönen Morgens klingelte im Büro der örtlichen Parteiverwaltung das Telefon:

»Hallo, guten Tag! Sie haben den Verstand verloren.«

»Wer spricht denn da?«

»Ich bin nur gerade draußen vorbeigegangen:«

»Was erlauben Sie sich eigentlich?!«

»Gar nichts... Ihnen ist wirklich der Verstand abhanden gekommen!«

Wie sich herausstellte, hatte sich an der großen Anzeigewand außen am Gebäude, an der in metallenen Buchstaben das übliche »Partei – Verstand, Ehre und Gewissen« prangte, das Wort »Verstand« losgelöst und war heruntergefallen. Nun lag es auf der Straße und trug erheblich zur Erheiterung der Passanten bei.

Man dankte dem Anrufer für die Nachricht und räumte den »Verstand« mit der Absicht weg, ihn in Kürze an seinem gesetzlich vorgesehenen Platz wieder anzuschweißen. Aber die Zeiten waren damals, zu Beginn der Perestroika, schon verworren, und so kam es, dass der »Verstand« nicht mehr an die Anzeigentafel der Parteiverwaltung zurückkehr. Aber damit nicht genug – eines Tages fiel den Passanten auch noch die »Ehre« und später das »Gewissen« vor die Füße. Die »Partei« blieb aus unerfindlichen Gründen hängen und schmückte noch lange die leer gewordene Tafel.

Nur die Partei – ohne Verstand, Ehre und Gewissen.

Ирина
АЛЬТМАН

Irina
ALTMANN

СФИНКС

Из Эльзы Ласкер-Шюлер

(Перевод с немецкого Ирины Альтман)

идит он вечерами у моей постели,
И послушанием ему полна моя душа,
И в тихих сумерках моей дремоты
Блестят его глаза, узки, как нити,
Что ловко сонную в свой лабиринт ведут.

И рядом вышитая скатерть
Шуршит нарциссов лепестками,
Их цепкий аромат касается подушек –
И в снах моих цветут еще
Его здесь поцелуи.

Но улетаёт лунатичка в облака,
Моя же слабая Психея,
Борясь, противясь, снова силу наберет,
И исцелит меня Земля
Дыханьем теплым лета.

SPHINX

von Else Lasker-Schüler

Sie sitzt an meinem Bette in der Abendzeit
Und meine Seele tut nach ihrem Willen,
Und in dem Dämmerseine, traumesstillen,
Engen wie Fäden dünn sich ihre Glanzpupillen
Um ihrer Sinne schläfrige Geschmeidigkeit.

Und auf dem Nebenbette an den Leinennähten
Knistern die Spitzenranken von Narzissen,
Und ihre Hände dehnen breit sich nach den Kissen,
Auf dem noch Träume blühn aus seinen Küssen,
Wie süßer Duft auf weißen Beeten.

Und lächelnd taucht die Mondfrau in die Wolkenwellen
Und meine bleichen, leidenden Psychen
Erstarken neu im Kampf mit Widersprüchen,
Und meine Seele heilt in Erdgerüchen,
Die sommerheiß aus ihren Poren quellen.

Моисей БОРОДА

Moisei BORODA

ПЕСНЬ О ЛЕСАХ

Ни один из текстов не является переводом другого – писались они параллельно на двух языках, поэтому полного совпадения между ними нет.

МБ

Однажды Шостаковичу позвонил Сталин.

– Дмитрий Дмитриевич, это Сталин Вас беспокоит, – произнёс он с отеческой теплотой и лёгким грузинским акцентом, от которого он, несмотря на своё – по анкете – русское происхождение, так и не избавился. – Как Вы поживаете?

Шостакович попытался сообразить, что бы ему такое ответить, чтобы за ним не пришли сразу, но придумать ничего не мог. В голове вертелись только слова «Родина слышит, Родина знает» – а больше ничего. Но он всё-таки собрался с духом и сказал, что совершенно и бесповоротно исправился, и сейчас будет писать только такие мелодии, которые может запомнить советский народ. Только такие. Никаких других.

– Это хорошо, что Вы такой сознательный товарищ, – задумчиво произнёс Сталин, – и мне приятно констатировать тот факт, что мы в

DAS LIED VON DEN WÄLDERN

Weder die russische noch die deutsche Version von »Das Lied von den Wäldern« ist eine Übersetzung. Beide Versionen wurden parallel als selbständige Texte vom Autor verfaßt; daher unterscheiden sie sich in Details voneinander.

MB

Eines Tages rief Stalin bei Schostakowitsch an.

– Dmitrij Dmitriewitsch, hier ist Stalin. Ich hoffe, ich habe Sie nicht gestört, – sagte er mit einer warmen väterlichen Stimme. – Wie geht es Ihnen?

Schostakowitsch überlegte in Eile, was er darauf antworten soll, um nicht sofort abgeholt zu werden, doch ihm fiel nichts ein, keine Idee.

Doch schließlich nahm er sich zusammen und sagte, er hätte sich nach der gerechten Kritik seitens der Partei vollkommen und unwiderruflich verbessert. Jetzt würde er nur solche Melodien komponieren, die für jeden sowjetischen Menschen verständlich sein können. Nur solche. Keine anderen.

– Es freut mich festzustellen, Genosse Schostakowitsch, dass Sie ein verantwortungsbewusster Genosse sind, – sagte Stalin nachdenklich. – Es freut mich festzustellen, dass wir uns in Ihnen, Genosse Schostakowitsch, nicht geirrt haben... Leider haben nicht alle Genossen dieses Verantwortungs-

Вас товарищ Шостакович, не ошиблись. А вот товарищ Прокофьев, к сожалению, не проявил пока такой сознательности. Товарищ Прокофьев ещё упорствует в своих формалистических изысканиях... Но мы поговорим с Вами об этом позже... Вы ведь не откажетесь со мной побеседовать, не правда ли?..

– Конечно нет, товарищ Сталин, конечно, – произнёс Шостакович с волнением в голосе и облегченно, но так чтобы не было слышно в трубке, вздохнул: ему стало ясно, что если за ним и придут, то уж по крайней не сейчас. – А всё же второй раз говорить «конечно» не следовало, – подумал он про себя. – После «товарищ Сталин» нужно было поставить точку.

– Но сейчас я Вас спросил о Вашем самочувствии, – продолжил товарищ Сталин, как будто не заметив волнения в голосе Шостаковича. – Так как же себя чувствует товарищ Шостакович?

– Спасибо Вам за заботу, товарищ Сталин, – ответил Шостакович и покрылся холодным потом. – Я чувствую себя хорошо... особенно после справедливой критики партии... Но у меня сейчас... – тут он замялся, не зная можно ли занимать внимание вождя такой ерундой.

– Так что у Вас, товарищ Шостакович?

– Расстройство желудка, – произнёс Шостакович тихо и быстро.

– Расстройство желудка! – в голосе Сталина явно проскользнула отеческая озабоченность. – Расстройство желудка – это нехорошо. Почему композитор Шостакович, которого любит вся страна, должен страдать от расстройства желудка? Это неправильно. Мы Вам пришлём хорошего врача... Лаврентий, как фамилия того врача, который лечил товарища Куйбышева и других ответственных товарищей? Маринский? Майновский? Ах да, Майрановский. Да, так вот, товарищ Шостакович, мы Вам пошлём хорошего врача, товарища Майрановского. Это очень опытный, очень ответственный товарищ и...

– Товарищ Сталин, – произнёс Шостакович на совершеннейшем пианиссимо – большего его голос выдать в этот момент не мог. – Товарищ Сталин, но я... я уже выздоровел, то есть, я совершенно выздоровел, я... полностью здоров. Я от всего сердца благодарен Вам за Вашу заботу, но... я, ей-Богу, не нуждаюсь во враче.

– Ей-Богу? Вы такой верующий человек? – заинтересованно спросил Сталин.

bewusstsein. Genosse Prokofiev zum Beispiel versteift sich nach wie vor in seinen formalistischen Versuchen... Aber das können wir mit Ihnen später besprechen... Sie würden doch nichts dagegen haben?

– Nein, Genosse Stalin, selbstverständlich nein. Ich würde mich darüber freuen, – sagte Schostakowitsch in etwas aufgeregter Stimme, und atmete leise auf. Allmählich wurde ihm klar, dass wenn er auch abgeholt werden sollte, dann bestimmt nicht jetzt. – Und doch sollte ich das »selbstverständlich« und alles Weitere lieber weglassen, – schoss ihm durch den Kopf, – nach »Genosse Stalin« sollte ich den Punkt setzen.

– Aber jetzt wollte ich mich über Ihr Wohlbefinden erkundigen, – sagte Stalin *mit einem Hauch Besorgnis* in der Stimme. – Also: wie fühlt sich Genosse Schostakowitsch?

– Vielen Dank für Ihre Aufmerksamkeit und Ihre Sorge, Genosse Stalin, – sagte Schostakowitsch und spürte, wie ihm der kalte Schweiß übers Gesicht läuft. – Ich fühle mich... ich fühle mich gut... insbesondere nach der Kritik seitens der Partei... Allerdings im Moment habe ich... – da stockte seine Stimme, weil er nicht wusste, ob die Aufmerksamkeit des Vaters und Lehrers aller Völker mit solch einer Kleinigkeit missbraucht werden darf.

– Also, Genosse Schostakowitsch, was haben Sie?

– Magenverstimmung, – antwortete Schostakowitsch leise.

– Magenverstimmung? – fragte Stalin. – Magenverstimmung – das ist nicht gut. Warum sollte der im ganzen Lande beliebte Komponist Schostakowitsch an einer Magenverstimmung leiden? Wir schicken Ihnen einen guten Arzt... Lavrentij, wie heißt der Arzt, welcher den Genossen Kujbyshev und andere verantwortliche Genossen behandelte? Marinskij? Majnovskij? Ach ja, Majranovskij!.. Also Genosse Schostakowitsch, wir schicken Ihnen einen recht guten Arzt, den Genossen Majranovskij. Er ist ein erfahrener, ein zuverlässiger Genosse¹, und...

– Genosse Stalin, – unterbrach Schostakowitsch in absolutem *pianissimo* – zu mehr Lautstärke war seine Stimme in diesem Augenblick nicht fähig – Genosse Stalin, aber ich... ich fühle mich schon besser... viel besser sogar. Ich fühle

¹ Professor Grigorij Majranovskij leitete ein Speziallabor des NKVD, in dem verschiedene Gifte erforscht und hergestellt wurden. Unter seiner Leitung und von ihm unmittelbar – selbstverständlich, im Auftrag von Stalin, Khruschtschov, Malenkov und anderen höchstrangigen Genossen – wurden mehrere führende Persönlichkeiten ermordet.

– Нет, нет, что Вы, товарищ Сталин, как можно! Это просто так, привычка в разговоре. Я...

– Ну почему Вы так стесняетесь, товарищ Шостакович? – мягко спросил Сталин. – У нас есть отдельные люди, отдельные индивидуумы, которые верят в Бога. Мы с этим пережитком прошлого не боремся. Зачем бороться? Наше советское общество – самое свободное общество в мире. Но на эту тему мы с Вами тоже поговорим... позже. – Тут Сталин сделал паузу, видимо, раскуривая свою трубку.

– А над чем сейчас работает композитор Шостакович? – спросил он, наконец-то раскурив трубку. – Чем он порадует наш советский и в первую очередь наш русский народ?

– Я пишу сейчас ораторию «Песнь о лесах», – ответил Шостакович несколько более уверенным голосом: тут ему явно было чем крыть.

– Это хорошо, – медленно произнёс Сталин, и было слышно, как он пытит своей трубкой. – Это хорошо. Оратория – хороший жанр в нашем социалистическом искусстве. И чему посвящает свою ораторию товарищ Шостакович?

– Героическому труду счастливого, свободного советского народа, – скороговоркой ответил Шостакович, на ходу соображая, довольно ли эпитетов или надо было ещё что-то прибавить. – Вот сейчас я пишу музыку на стихи «Нас ведёт окрыляющий гений».

– Окрыляющий гений, – так же медленно произнёс Сталин, как бы пробуя вкус этих слов на язык, – окрыляющий гений... И кто же, по мнению композитора Шостаковича, этот окрыляющий гений? – В трубке опять послышалось посапывание – видимо «Герцеговина-Флор» разгоралась в этот раз как-то с трудом.

Шостакович промолчал, деликатно предоставляя собеседнику принять решение по поводу окрыляющего гения.

Товарищ Сталин тоже помолчал, может быть, надеясь на продолжение, потом же медленно, подчёркивая свою убеждённость в высказываемом, произнёс:

– Нам нравится, товарищ Шостакович, что Вы такой сознательный товарищ. Нам нравится, что товарищ Шостакович извлёк уроки из дружеской товарищеской критики и пишет музыку, которую будет понимать наш советский народ. И хотя я ещё не советовался с товарищами

mich... vollständig ausgeheilt. Ich danke Ihnen für Ihre Aufmerksamkeit vom ganzen Herzen, aber... bei Gott, ich brauche keinen Arzt.

– Bei Gott? Sind Sie ein gläubiger Mensch? – fragte Stalin mit merklichem Interesse.

– Nein, nein, Genosse Stalin, wie kann ich? Das ist nur so, eine Gewohnheit vielleicht – oder einfach nur Sprachfloskel.

– Aber wieso sind Sie in diesem Punkt so schüchtern, so scheu, Genosse Schostakowitsch? Wir haben in unserem Lande einige Menschen, die an Gott glauben. Wir bekämpfen diese Überbleibsel der Vergangenheit nicht. Wozu denn?

Hier machte Stalin Pause – allem Anschein nach um seine Pfeife anzurauchen.

– Und woran arbeitet jetzt der Komponist Schostakowitsch? – fragte Stalin nach dem erfolgreichen Anrauchen der Pfeife. – Womit wird er unser sowjetisches, vor allem unser russisches Volk beglücken?

– Ich schreibe jetzt an einem Oratorium »Das Lied von den Wäldern«, Genosse Stalin, – antwortete Schostakowitsch mit einer etwas festeren Stimme: hier hatte er ein Paar Trümpfe in der Hand!

– Oratorium, – sagte Stalin langsam. – Oratorium... – das ist gut. Oratorium ist eine wichtige Gattung in unserer sozialistischen Kunst. Und welchem Thema wird Genosse Schostakowitsch sein Oratorium widmen?

– Der heldenhaften Arbeit des glücklichen, freien sowjetischen Volkes, – rasselte Schostakowitsch in einem Zungenbrecher-Tempo herunter, gleichzeitig überlegend, ob diese Beiworte ausreichen würden oder ob er noch etwas hinzufügen sollte.

– Gerade jetzt schreibe ich an der Musik zum Text »Uns führt der beflügelnde Genius«, – fügte er hinzu ...

– Beflügelnder Genius, – sagte Stalin langsam, als ob er diese Worte auf der Zunge zu zergehen suchte. – Beflügelnder Genius... Und wer ist, nach der Meinung des Genossen Schostakowitsch, dieser beflügelnde Genius? – Das Paffen war jetzt ganz deutlich zu hören: anscheinend, ließ sich der Tabak diesmal schwer anrauchen.

Schostakowitsch schwieg – vielleicht, um seinen Gesprächspartner die Entscheidung über den beflügelnden Genius zu überlassen.

– Uns gefällt es, Genosse Schostakowitsch, dass Sie ein dermaßen verantwortungsbewusster, überzeugter Genosse sind, – sagte Stalin nach einem be-

из Политбюро, но думаю, что они будут того же мнения: товарищ Шостакович заслуживает поощрения. Товарищ Шостакович заслуживает Сталинской премии первой степени. Как Вы думаете, прав здесь товарищ Сталин? –

Тут голос на другом конце провода приобрёл такую отеческую теплоту, что Шостакович вновь покрылся холодным потом и голос его вновь упал до сублито пиано.

– Да... то есть нет... то есть... я не знаю, товарищ Сталин, это как-то нескромно с моей стороны...

– Вы скромный человек, товарищ Шостакович! – прервал его Сталин. – И нам нравится, что композитор, которого любит вся страна, такой скромный товарищ. Когда Ваша оратория будет готова, Вы можете показать её мне. Возможно у меня будут замечания по оркестровке или по хоровой части. Я конечно не специалист, но...

Тут Шостакович почувствовал что, может прервать окрыляющего гения и сказал: – Разумеется, конечно. Даже и клавир...

– Нет, нет, клавир не обязательно. Партитуры достаточно, – произнёс товарищ Сталин, как бы обдумывая, действительно ли ему будет достаточно партитуры. – Когда она будет готова, позвоните мне. Товарищ Поскрёбышев Вас сразу соединит. А теперь Вы меня извините, товарищ Шостакович. Мне было приятно с Вами поговорить и узнать что Вы – очень сознательный товарищ. А то некоторые, видимо, несознательные товарищи, – тут Сталин сделал паузу, повидимому советуясь со своей трубкой, какой ему выбрать тон, и медленно, как бы вскользь продолжил, – утверждают, что товарищ Шостакович пишет вокальный цикл «Из еврейской народной поэзии» и даже сочувствует Бунду...

– Что Вы, товарищ Сталин, упаси Бог! – прервал Шостакович и подумал, что вот он опять помянул Бога. – Я...

– Почему Вы так волнуетесь товарищ Шостакович? Вам нельзя волноваться – ведь у Вас расстройство желудка! – отечески пожурил Сталин.

– Нет, нет, товарищ Сталин, оно у меня прошло, вот буквально как только Вы позвонили, ... как только Вы позвонили, так и прошло. Но Бунд... – я, товарищ Сталин, даже не знаю, что это такое... – ответил Шостакович, пытаясь угадать, что же стоит за вопросом и когда за ним придут.

tont langen Schweigen. – Uns gefällt es, dass Genosse Schostakowitsch seine Lehre aus der freundschaftlichen, freundlichen Kritik gezogen hatte, und jetzt Musik schreibt, die von unserem Volk verstanden werden kann.

Hier machte Stalin kurze Pause und setzte dann fort: – Genosse Schostakowitsch verdient für seine Arbeit eine Belohnung. Genosse Schostakowitsch verdient es, mit einem Stalin-Preis ersten Grades ausgezeichnet zu werden. Zwar habe ich diese Frage mit den Genossen im Politbüro noch nicht besprochen, doch denke ich, daß sie mich in diesem Punkt unterstützen würden. Was denken Sie – hat hier Genosse Stalin recht? – mit diesen Worten wurde die Stimme am anderen Ende der Leitung dermaßen väterlich, dass Schostakowitsch spürte, wie ihm wieder der kalte Schweiß übers Gesicht läuft.

– Ja... das heißt nein... das heißt, – ich weiß es nicht, Genosse Stalin. Es ist irgendwie unbescheiden meinerseits... – Schostakowitsch's Stimme fiel wieder zu *piano*.

– Sie sind ein bescheidener Mensch, Genosse Schostakowitsch, – unterbrach ihn Stalin. – Uns gefällt es, dass ein Komponist, den das ganze Land liebt, ein so bescheidener Genosse ist. Wenn Ihr Oratorium fertig ist, können Sie mir es zeigen. Vielleicht werde ich einige Bemerkungen bezüglich Orchestrierung oder des Chorklangles haben. Ich bin natürlich kein Fachmann, aber...

An dieser Stelle spürte Schostakowitsch, dass er den beflügelnden Genius unterbrechen kann, und sagte: Selbstverständlich, Genosse Stalin. Nicht nur die Partitur, auch den Klavierauszug...

– Nein, Klavierauszug ist nicht nötig, Partitur würde reichen, – sagte Stalin, anscheinend darüber nachdenkend, ob die Partitur wirklich ausreichen würde. – Wenn die Partitur fertig ist, rufen Sie mich an. Genosse Poskrjobyshew wird Sie sofort verbinden... Und jetzt – entschuldigen Sie mich, Genosse Schostakowitsch. Es war mir sehr angenehm mit Ihnen zu sprechen und zu erfahren, dass Sie ein sehr verantwortungsbewusster Genosse sind. Denn einige nicht ganz verantwortungsbewusste Genossen...

Hier machte Stalin Pause, um vielleicht seine Pfeife zu konsultieren, welchen Tonfall er jetzt wählen sollte, und dann langsam, aber in einem beiläufigen Ton sagte, – also manche nicht ganz verantwortungsbewussten Genossen behaupten, Genosse Schostakowitsch schreibe an einem Vokalzyklus *Aus jüdischer Volkspoesie*, und manche sager sogar, Genosse Schostako-

– Я не сомневался в Вас, товарищ Шостакович! – голос Сталина опять звучал по-отечески тепло. – Я не сомневался в том, что композитор, которого любит вся страна, который признал свои ошибки и пишет мелодии, понятные народу, не будет писать музыку на стихи сионистских агентов. Я желаю Вам, товарищ Шостакович, дальнейших успехов. До свидания, – сказал Сталин и положил трубку.

Шостакович тоже положил трубку. Потом он посидел на стуле, медленно отходя от беседы с Окрыляющим Гением, Учителем, Другом и по совместительству Отцом, и, наконец, нашёл в себе силы встать.

Он зашёл в ванную, плотно закрыл за собой дверь, открыл кран на полную мощность, так, чтобы сквозь шум воды ничего нельзя было услышать, и, склонившись над раковиной, произнёс свистящим шёпотом: «Отходную по тебе, негодяй, – вот это бы я написал! Это бы я написал!»

Потом, видимо, испугавшись, как бы следы его высказывания не остались где-нибудь, осмотрел внимательно раковину, закрыл кран, тихо вышел из туалета, прошёл к своему рабочему столу и сел дописывать «Песнь о лесах» с мелодиями, понятными народу.

witsch stehe dem Bund¹, dieser konterrevolutionären jüdischen Organisation wohlwollend gegenüber...

– Nein, Genosse Stalin, nein, Gott behüte! – unterbrach Schostakowitsch in höchster Aufregung. »Jetzt hast du wiederum Gott erwähnt«, schoss ihm durch den Kopf. – Ich...

– Aber warum regen Sie sich so auf, Genosse Schostakowitsch? Sie dürfen sich nicht aufregen – Sie haben doch Magenverstimmung! – unterbrach ihn Stalin in einem etwas tadelnden Ton.

– Nein, nein, Genosse Stalin, ich habe sie nicht mehr! Sobald Sie angerufen haben...da war sie weg. Aber Bund... – ich, Genosse Stalin, habe keine Ahnung, was das ist, – sagte Schostakowitsch schnell und überlegte gleichzeitig, was sich hinter Stalins Worten verbergen könnte und wann man ihn, Schostakowitsch, abholen würde.

– Ich zweifle an Ihnen nicht, Genosse Schostakowitsch. – Stalins Stimme bekam wieder einen warmen väterlichen Ton. – Ich zweifle nicht daran, dass ein Komponist, der seine Fehler erkannt und zugegeben hat, der jetzt nur solche Melodien schreibt, die unser Volk versteht, keine Musik zu den Gedichten zionistischer Agenten schreiben wird. Ich wünsche Ihnen, Genosse Schostakowitsch, viel Erfolg. Auf Wiedersehen, – sagte Stalin und legte den Hörer auf.

Schostakowitsch ebenfalls legte den Hörer auf. Dann setzte er sich auf den Stuhl, saß eine Weile, um sich vom Gespräch mit dem beflügelnden Genius, dem Lehrer, Freund und nebenamtlich auch Vater aller Völker zu erholen.

Endlich fand er die Kraft aufzustehen.

Er ging ins Badezimmer, schloss die Tür hinter sich und drehte den Wasserhahn auf, so dass hinter dem Geräusch des fließenden Wassers kein anderes Geräusch zu hören wäre. Dann verbeugte er sich vor dem Waschbecken und sagte im säuselnden Flüstern: Ein Grablied für dich, du Halunke, hätte ich geschrieben! Das hätte ich gerne geschrieben!

Dann, anscheinend darüber erschrocken, dass seine Aussage irgendwelche Spuren hinterlassen könnte, ließ er das Wasser noch einige Zeit über das Waschbecken fließen, drehte dann den Wasserhahn zu, verließ das Badezimmer, ging zu seinem Schreibtisch und setzte seine Arbeit am »Lied von den Wäldern« mit den fürs sowjetische Volk verständlichen Melodien fort.

¹ Jüdische Arbeiterpartei, vollständige Bezeichnung: *Algemeyner Yidisher Arbeter Bund in Lite, Poyln un Rusland*. Gegründet 1897. Nach der Oktoberrevolution wurde Bund von den »Bolschewiki« bekämpft. Reste In der Stalinzeit wurde der Bund in der UdSSR ausgerottet.

Вениамин
ВЕЛЕРШТЕЙН

Veniamin
VELERSHTEYN

Из Пауля Целана

(Перевод с немецкого Вениамина Велерштейна)

Ч

ФУГА СМЕРТИ

Памяти жертв Холокоста

Чёрное Молоко Раннего Утра мы пьём его в вечер
мы пьём его в полдень и в утро мы пьём его в ночь
мы пьём его пьём
могилу мы роём в ветрах, лежать чтоб в ней было не тесно
В доме проживает мужчина что играет со змеями пишет
он пишет лишь станет смеркаться в Германию
твой волос златой Маргарита
напишет он это и выйдет из дома и звёзды мерцают
он псов своих свистом зовёт
он свистом своих сзывает евреев
чтоб копали могилу в земле
он приказ отдает нам играть вступление к танцу

Paul Celan

TODESFUGE

Schwarze Milch der Fruhe wir trinken sie abends
wir trinken sie mittags und morgens wir trinken sie nachts
wir trinken und trinken
wir schaufeln ein Grab in den Lueften da liegt man nicht eng
Ein Mann wohnt im Haus der spielt mit den Schlangen
der schreibt
der schreibt wenn es dunkelt nach Deutschland
dein goldenes Haar Margarete
er schreibt es und tritt vor das Haus und es blitzen die Sterne
er pfeift seine Rueden herbei
er pfeift seine Juden hervor laesst schaufeln
ein Grab in der Erde
er befiehlt uns spielt auf nun zum Tanz

Чёрное Молоко Раннего Утра мы пьём тебя ночью
мы пьём тебя в утро и в полдень мы пьём тебя в вечер
мы пьём тебя пьём
Там в доме мужчина что играет со змеями пишет
он пишет лишь станет смеркаться в Германию
твой волос златой Маргарита
Твой волос цвета золы Суламифь мы роем могилу в ветрах
лежать чтоб в ней было не тесно

Он кричит нам этим вгрызаться в земельное царство
другим нужно петь и играть
железным прутом из-за пояса вынутым замахнётся на нас
и видно
у него голубые глаза
эй вы глубже втыкайте лопаты а вы вы играйте
играйте музыку для танцев

Чёрное Молоко Раннего Утра мы пьём тебя ночью
мы пьём тебя в утро и в полдень мы пьём тебя в вечер
мы пьём тебя пьём
в доме проживает мужчина твой волос златой Маргарита
твой волос цвета золы Суламифь он играет со змеями
Он нас призывает играйте же слаще о смерти ведь смерть –
из Германиии мастер
он нас призывает играйте мрачнее на скрипках тогда
превратитесь вы в тающий в воздухе дым
да будет в облаках вам могила в ней будет не тесно лежать

Чёрное Молоко Раннего Утра мы пьём тебя ночью
мы пьём тебя в полдень смерть – из Германиии мастер
мы пьём тебя в вечер и в утро мы тянем и тянем
смерть из Германиии мастер у него голубые глаза
он пошлёт в тебя шарик свинцовый и попадёт неизбежно
мужчина проживающий в доме твой волос златой Маргарита

Schwarze Milch der Fruhe wir trinken dich nachts
wir trinken dich morgens und mittags wir trinken dich abends
wir trinken und trinken
Ein Mann wohnt im Haus der spielt mit den Schlangen
der schreibt
der schreibt wenn es dunkelt nach Deutschland
dein goldenes Haar Margarete
Dein aschenes Haar Sulamith wir schaufeln
ein Grab in den Lueften da liegt man nicht eng

Er ruft stecht tiefer ins Erdreich ihr einen ihr andern
singet und spielt
er greift nach dem Eisen im Gurt er schwingts
seine Augen sind blau
stecht tiefer die Spaten ihr einen ihr andern spielt weiter
zum Tanz auf

Schwarze Milch der Fruhe wir trinken dich nachts
wir trinken dich mittags und morgens wir trinken dich abends
wir trinken und trinken
ein Mann wohnt im Haus dein goldenes Haar Margarete
dein aschenes Haar Sulamith er spielt mit den Schlangen
Er ruft spielt suesser den Tod der Tod
ist ein Meister aus Deutschland
er ruft streicht dunkler die Geigen dann steigt ihr
als Rauch in die Luft
dann habt ihr ein Grab in den Wolken da liegt man nicht eng

Schwarze Milch der Fruhe wir trinken dich nachts
wir trinken dich mittags der Tod
ist ein Meister aus Deutschland
wir trinken dich abends und morgens wir trinken und trinken
der Tod ist ein Meister aus Deutschland sein Auge ist blau
er trifft dich mit bleierner Kugel er trifft dich genau

он своими нас травит псами воздушную нам дарит могилу
он играет со змеями и мечтает смерть – из Германии мастер

твой волос златой Маргарита
твой волос цвета золы Суламифь

КОММЕНТАРИИ ПЕРЕВОДЧИКА:

Стихотворение в оригинале произвело на меня огромное впечатление...

«В 1945 году жителей города Ваймар заставили посетить к тому времени освобожденный концентрационный лагерь Бухенвальд...»

Spruchwort: «Mordechai Meisel wird in der weissen Milch der Fruehe baden, wenn alle. Menschen im Unglueck leben»

Поговорка: «Мордехай Майзел будет в Белом Молоке Раннего Утра купаться даже если все остальные будут несчастливы» – т.е. счастливчик.

Есть толкование, что «Черное молоко раннего утра» – противопоставление приведённой поговорке, говорящее, что даже счастливчику Мордехаю Майзелю здесь нет надежды на спасение...

Кроме того, «Черное Молоко» – так называли газ, которым в газовых камерах травили людей.

ein Mann wohnt im Haus dein goldenes Haar Margarete
er hetzt seine Rueden auf uns er schenkt uns
ein Grab in der Luft
er spielt mit den Schlangen und traemet der Tod
ist ein Meister aus Deutschland

dein goldenes Haar Margarete
dein aschenes Haar Sulamith

«Молоко раннего утра» – любимый напиток, что пьют с утра до еды для удовольствия и здоровья (слышал, что так в Германии называли топлёное молоко, но за точность не ручаюсь).

Сочетание «Черное молоко раннего утра» – оксюморон (противоречие) – напиток, но не для здоровья и удовольствия, а как напиток смерти...

Хотелось бы добавить еще следующее.

При переводе этого стихотворения, мне показалось, что «die Fruhe» можно перевести, как «прошедшее», «былое». Тогда «Schwarze Milch der Fruhe» звучит как «Черное молоко былого».

Мне кажется, это тоже был бы возможный вариант, если представить себе содержание стихотворения, как воспоминания переживших ужас описываемых событий, и эти воспоминания не отпускают ни на минуту, ни днём, ни ночью...

Марина
ГЕРШЕНОВИЧ
Marina
GERSHENOVICH

ЧТО БУДЕТ СНИТЬСЯ МНЕ...

то будет сниться мне, когда оркестр небесный
возьмет последний звук и прекратит играть...
Нерукотворный мир, пленительный и тесный,
я так тебя люблю, что страшно умирать.
Ты вычеркнул меня из списков лиц полезных
и вытеснил давно из всех очередей.
С тех пор и вижу то, что называют бездной,
когда гляжу в глаза животных и людей.
Надломлено перо и пальцы онемели,
но я пишу к тебе и коротаю ночь.
Я так тебя люблю, что Свет в конце тоннеля
не обещает мне страх смерти превозмочь.

WAS WERD ICH TRÄUMEN EINST

(Deutsche Übersetzung: Erich Ahrendt)

Was werd ich träumen einst, wenn von den Sphärenklängen
verhallt der letzte Ton, verstummt der letzte Takt...
Du Welt der Schöpfung, faszinierende und enge,
ich lieb dich so, dass mich die Angst zu sterben packt.
Du hast mich aus der Liste Nützlicher gestrichen,
mich längst aus allen Warteschlangen schon verdrängt.
Und seither seh ich Abgründe im wesentlichen,
wenn Tieren, Menschen ich ins Auge mich versenk.
Mir ist geknickt die Feder, sind erstarrt die Finger,
doch schreib ich dir, vertreib mir meine lange Nacht.
Das Licht am End des Tunnels kann mir nicht verringern
die Angst vorm Tod – zu groß ist meiner Liebe Macht.

ВСТРЕЧА

О.Б.

Течением река на одичалый плёс
выносит мелкий сор, и щепочки, и перья.
А домик твой стоит – как ветер не унёс –
с единственным окном и скошенною дверью.
От сырости порог сосновый почернел,
на кровле дранки нет, лишь хвоя да солома.
Мне хочется сказать, что есть всему предел...
Но в этот самый миг выходишь ты из дома,
мой ропот на судьбу и затаенный вздох
опередив своим безмолвным появленьем.
Должно быть, за тобой присматривает Бог.
И, верно, за свое спокоен Он творенье.
И сосны, и река, и облачный простор,
и ты, что создана из глины или пены,
все это вплетено во временный узор
дареного самой природой гобелена.
Покуда нить судьбы твоей не извлечет
из полотна Господь, ты будешь Им хранима.
Неспешная река колеблется, течет
к тебе и сквозь тебя,
и нас с тобою мимо...

Из В.А. Моцарта

(Перевод с немецкого Марины Гершенович)

МАЛЕНЬКИЙ СОВЕТ

Из писем к сестре

Ко множеству загадок в браке
ты сможешь ключик находить.
Используй новый опыт смело;
как Ева некогда сумела,
чтоб после Каина родить.

BEGEGNUNG

Für Olga Borissowa

(Deutsche Übersetzung: Erich Ahrendt)

Des Flusses grüne Strömung in der öden Bucht
spült Späne an und Federn – Unrat, wie wir's nennen...
Dort steht dein Häuschen – wann weht es der Wind zu Bruch? –
mit einem einz'gen Fenster nur und schiefen Wänden.
Die Harzholzschwelle ist vor Feuchte schwarz und matt,
das Strohdach – denn an Schindeln fehlt's – hat arg gelitten.
Ich murmle schon, dass alles eine Grenze hat,
in dem Moment kommst aus der Türe du geschritten.
Noch eh ich das Geschick beklag – mein Herz ist schwer –
stehst vor dem Haus schon du mit deinem Schweigen lange...
Dich muss behüten, glaub ich, und bewahren Gott der Herr.
Ihm ist um sein Geschöpf, so sieht es aus, nicht bange.
Die Fichten und den Fluss, die Wolken, weit im Blick,
und dich dazu, dich, die aus Ton, aus Schaum geboren,
zu einem Teppich flicht es dieser Augenblick,
von der Natur für uns als ihr Geschenk erkoren.
Solange deines Schicksals Faden Gott der Herr
nicht löst aus dem Gewebe, wird er dich behüten.
Am Ufer sanft sich schaukelnd, strömt der Fluss einher,
zu dir und durch dich hin, an uns vorbei, vorüber...

W.A. Mozart

KLEINER RAT

Du wirst im Ehstand viel erfahren,
was dir ein halbes Rätsel war;
bald wirst du aus Erfahrung wissen,
wie Eva einst hat handeln müssen,
dass sie hernach den Kain gebar.

И это дело небольшое
исполнишь ты со всей душою,
сестра, в нем радостей не счесть!
Явят обязанности эти
две стороны – как на монете,
поверь, заботы в браке есть.
И если муж твой мрачен будет,
тебя, безвинную, осудит,
и застит свет твоим очам,
скажи: капризны все мужчины,
ты – господин, тебе по чину
днём править бал, мне – по ночам.

Из Германа Гессе

(Перевод с немецкого Марины Гершенович)

ЗВАНЫЙ ВЕЧЕР

Меня пригласили сами.
Зачем, я и сам не знал;
Изящными господами
заполнен был круглый зал.
С известными именами
почтенные господа.
И кто-то силен был в драме,
а кто-то в романах, да.
Столь шумная обстановка
сложилась, что спору нет,
мне было сказать неловко
о том, что я сам – поэт.

Doch, Schwester, diese Ehstandspflichten
wirst du von Herzen gern verrichten,
denn glaube mir, sie sind nicht schwer.
Doch jede Sache hat zwei Seiten:
der Ehstand bringt zwar viele Freuden,
allein auch Kummer bringet er.
Drum, wenn dein Mann dir finstre Mienen,
die du nicht glaubest zu verdienen,
in seiner übeln Laune macht,
so denke, das ist Männergrille,
und sag: Herr, es gescheh dein Wille
bei Tag, und meiner in der Nacht.

Hermann Hesse

SOIREE

Man hatte mich eingeladen,
Ich wusste nicht warum;
Viel Herren mit schmalen Waden
Standen im Saal herum.
Es waren Herren mit Namen
Und von gewaltigem Ruf,
Von denen der eine Dramen,
Der andere Romane schuf.
Sie wussten sich flott zu betragen
Und machten ein groß Geschrei.
Da schämte ich mich zu sagen,
Daß ich auch ein Dichter sei.

ВЕДЬМА

Одна луна взойдет, другая станет тенью.
Однообразны дни, и жизнь моя проста.
О, драгоценный лик, тебя венчает пенье:
синицы синей трель и черного дрозда.

Дрозд черно-бархатист, напев его разумен,
И флейты голос чист во тьме и невредим.
Лесная дева, знай: среди замшелых гумен
Сбегается зверье к источникам твоим.

Коричневы их лбы с растущими рогами...
А у ночей твоих
Павлинья красота цветет в редчайшей гамме,
И шёпот или крик колеблет их.

Рептилий изумруд. И россыпь насекомых
Вкруг лезвия ножа уклеики золотой.
Упадок летних сил в зеркальных водоемах,
И тишина приходит на постой.

Владения мои! В путь отправляюсь дальний;
Я волхвовать могу, могу колдуньей быть.
Да будет сад цвести и зреть орех миндальный,
Янтарное вино, коль захочу я пить.

Прозрачная земля, от жажды умираю!
Ты зреешь... Силы дай, чтоб я смогла понять,
Как ручку повернуть у врат тяжелых рая,
И снова в том саду под деревом стоять.

HEXE

Die Monde gehen auf, die Monde gehen nieder;
Mein Tag ist immer noch der gleiche Tag.
Du liebes Angesicht. Dich kränzen bunte Lieder,
Der Meise blaues Läuten, schwarzer Amselschlag.

So sammetschwarzer Amselschlag, du helle,
So silberweißer Flötenjubiläum, dunkles Bild,
Waldmädchen du. Die Moose hüten deine Schwelle.
Zu deinem Brunnen bückt das Wild

Die braunen Häupter mit den spießenden Geweihen.
Und deine Nächte sind
Ganz angefüllt mit seltenen pfauenfarbenen Schreien
Und ginstergelbem Flüsterwind.

Smaragdeidechse. Kleine goldenbraune Schleiche,
Um die noch Glanz des Laubes schwärzt,
Das sommermüd verfällt in Elenspiegel, Teiche
Und mit Schweigen abwärts fährt.

Mein einziger Besitz. Dich kann ich immer wandeln,
Verzaubern dich. Ich kann dir Hexe sein.
So werd in meinem Park ein Strauch mit süßen Mandeln,
Auf meinem Tische Glas mit bernsteinklarem Wein.

Durchsichtig reife Erde. Komm, ich will dich trinken,
Dich Kraft. Und eine Mauer sehn,
Die schwere bronzene Löwenklau der Pforte klinken
Und wieder unterm Baum des Paradieses stehn.

Friedrich
GROTJAHN

Фридрих
ГРОТЯН

A

DIE NASE

Als Kind nannten sie ihn »Zwerg Nase«, sprachen von seiner »Kartoffel«, seinem »Zinken«, seiner »Rübe«. Und manche meinten: »Früher hätte man sowas auf dem Jahrmarkt ausgestellt.« Das gab es, dass er morgens vors Haus trat, in den Wind schnupperte und sagte: »wir kriegen Besuch, Opa kommt.« Sein Gang war der eines Hundes, wenn er durch die Stadt streicht und von überallher Geruch aufnimmt; ging auch lieber gegen als mit dem Wind. In der Schule war er der »Schnüffler«. Er roch Lehrer und Mitschüler aus jeder Menschenmenge heraus, auch mit verbundenen Augen, sortierte Katholiken und Evangelische, Borussia- und Schalke-Fans.

Seine Karriere war vorherbestimmt. Nachdem er einen Bankräuber auf fünfhundert Metern Entfernung hinter einem Müllcontainer hervorge-rochen hatte, wurde er Polizist. Er roch, wenn einer log. Kein Versteck war sicher vor seiner Nase. In der Drogenfahndung wurde er unentbehrlich. Besser als jeder Spürhund roch er Sprengsätze in abgestellten Autos und rettete zweimal dem Innenminister das Leben. Leider roch dieser Mann gar nicht gut, nicht als Politiker und nicht als Mensch.

НОС

(Перевод с немецкого Евгении Комаровой)

Когда он был ребёнком, его называли «Карлик Нос», говорили о его «картофелине», «рубильнике», «шнобеле». Некоторые утверждали, что такое «чудо» раньше на ярмарках показывали. Случалось, что он утром выходил из дома, втягивал ноздрями воздух и говорил: «У нас будут гости! Дедушка приедет!». Его походка заставляла вспомнить собаку, которая бежит по городу, принюхиваясь к доносящимся отовсюду запахам, он и ходить старался против ветра, а не по ветру. В школе его называли «Ищейкой»: он мог учуять учителей и одноклассников в любой толпе даже с завязанными глазами, различал по запаху католиков и протестантов, фанатов «Боруссии» и «Шальке».

Его карьера была предопределена. После того, как он вынюхал спрятавшегося за мусорным контейнером банковского грабителя на расстоянии в 500 метров, он стал полицейским. Он носом чуял, если кто-то врал. От его носа невозможно было спрятаться. Он стал незаменимым сотрудником в отделе по борьбе с наркотиками. Лучше любой собаки

Die Mafia sagte ihm den Kampf an. »Nase pass auf! In einer Woche kannst du das Gras von unten riechen.« So etwas bekam er zu hören, wenn er abends den Anrufbeantworter einschaltete. Es war, als ob sie den Schnüffler überall rochen. Zu Haus nicht mehr sicher, wohnte er schließlich im Gefängnis, umgeben von Knast- und anderen Männergerüchen. Man schlug ihm eine neue Identität vor. Doch die damit verbundene operative Nasenverkleinerung lehnte er ab. Durch seine Nase war er geworden, was er war. Er gehörte zu ihr.

Einmal rief er die Auskunft an, wollte eine Telefonnummer wissen. Da traf es ihn wie eine Wattewolke. Der Duft von Platz 63 brachte ihn schier um den Verstand. Seine polizeiliche, keinen Widerspruch duldende Sprechweise kam ihm abhanden. Er begann zu stottern. »Sie erkundigte sich, ob ihm nicht gut sei. »Sie riechen so gut«, stammelte er, und er müsse sie unbedingt sehen. Sie legte auf, noch bevor sie ihm die angeforderte Nummer gesagt hatte. Der Duft war weg.

Da verlegte er sich auf das Viertel um die Telekom. An einem Abend bei Dienstschluss war der Duft wieder da, ganz deutlich, stieg in ein Auto und fuhr an ihm vorbei. Er folgte in seinem Dienstwagen. Fast hätte er den Duft verloren, als ein Bus dazwischen kam, doch er arbeitete sich wieder heran, folgte ihm auf den Parkplatz einer Hochhaussiedlung. Als die Frau ausstieg, stieg auch er aus. Sie erschrak vor dieser plötzlich auftauchenden Nase in Uniform. – Er atmete den Duft der Frau für sein Leben.

Sie trafen sich wieder. Der Zauber ihres Geruchs verbrauchte sich nicht. Der Mann, der nie geraucht, nie getrunken, andere Drogen nur polizeiamtlich kennen gelernt hatte, bekam einen Eindruck davon, was es heißt: süchtig sein. Sie mochte ihn schließlich auch, meinte aber, an diese Nase werde sie sich im Leben nicht gewöhnen können.

Und so geschah es. Was die Mafia nicht vermocht hatte, die Liebe brachte es zuwege. Er ließ sich die Nase operieren, bekam eine ganz gewöhnliche geschneidert, eine hundsgemeine Nase, eine Nase wie deine und meine.

Als er zum ersten Mal durch den Verband schnupperte – nichts! Mit der Nase hatte er auch ihre Fähigkeiten eingebüßt, war nur noch als Verkehrspolizist zu gebrauchen. Selbst die Mafia verlor jedes Interesse an ihm. Und aus

обнаруживал он взрывчатку, спрятанную в припаркованных автомобилях, и дважды спасал жизнь министру внутренних дел. Министр, к сожалению, пах не слишком хорошо: и как человек, и как политик.

Мафия объявила ему войну. «Берегись, Нос! Не позднее, чем через неделю, ты будешь нюхать цветочки из-под земли!», – эти слова слышал он всякий раз с автоответчика, возвращаясь домой. Похоже, что мафиози повсюду вынюхивали «Ищейку». Не чувствуя себя в безопасности дома, он стал в конце концов жить в тюрьме, окружённый тюремными и другими мужскими запахами. Ему предложили новую идентичность. Но он отказался от связанной с этим операции по уменьшению носа. Именно благодаря своему носу он стал тем, кем стал. Нос был неотъемлемой его частью.

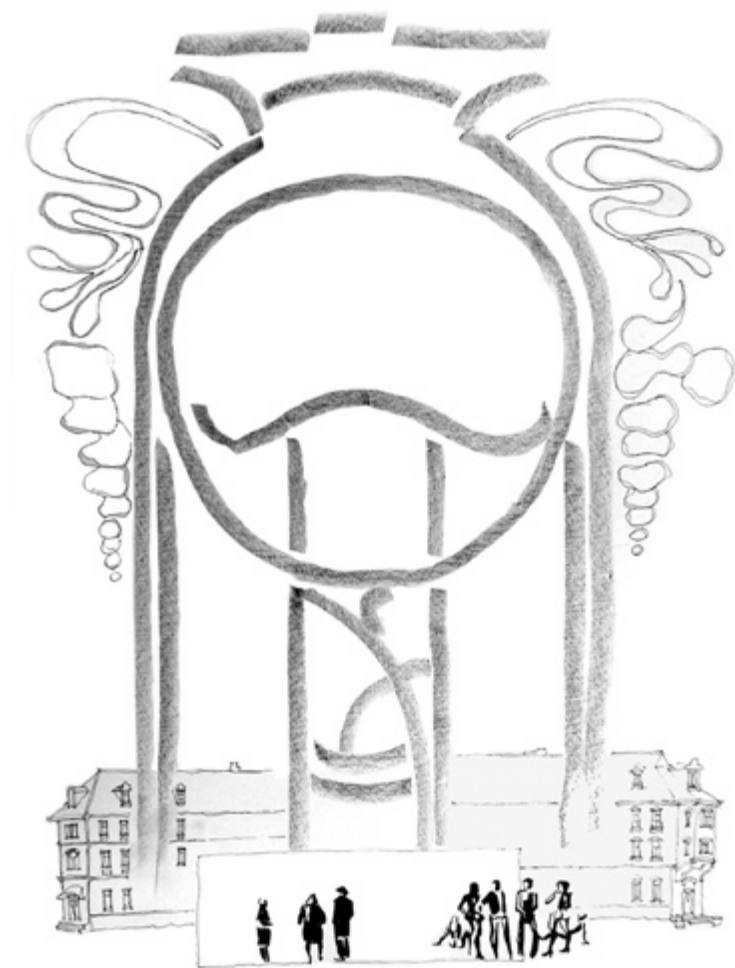
Как-то раз он позвонил в телефонную справочную службу, чтобы узнать понадобившийся номер телефона. И тут его словно окутало облаком запаха. Аромат телефонистки под номером 63 буквально свёл его с ума. Его полицейская, не терпящая возражений, манера говорить куда-то пропала. Он начал заикаться. Она спросила его, всё ли с ним в порядке. «Вы так хорошо пахнете», – пробормотал он, – «мы непременно должны встретиться». Она положила трубку, так и не сообщив ему требуемый номер телефона. Аромат исчез.

Он стал караулить у здания Телекома. Однажды вечером, после окончания рабочего дня, он снова почуял знакомый аромат. Он был здесь, совершенно отчётливо! Потом аромат сел в машину и проехал мимо него. Он последовал за ним в служебной машине. Он едва не потерял этот аромат, когда между ними проехал автобус, но снова обнаружил его и доехал следом за ним до парковки в квартале высотных домов. Когда женщина вышла из машины, он вышел тоже. Она испугалась, увидев неожиданно возникшего рядом с ней Карлика Носа в униформе. Он же наслаждался ароматом женщины своей мечты.

Они стали встречаться. Волшебство аромата не ослабевало. Мужчина, который никогда не курил, не пил и был знаком с наркотиками только по долгу службы, вдруг понял, что это значит – быть зависимым. В конце концов, она приняла его ухаживания, но говорила, что к его носу не сможет привыкнуть никогда.

dem betörend duftenden Weib war eine ganz gewöhnliche Frau geworden. Immer noch eine Frau, aber eine ohne besonderen Duft.

Sie heirateten trotzdem, bekamen ein Kind. Es war ein Sohn. Die Hebamme, die ihn auf die Welt holte, hielt ihn hoch und sagte: »Gott, was für eine Nase!«

И вот – свершилось! То, чего не могла добиться мафия, сделала Любовь! Он согласился на операцию и получил в результате обычный, до отвращения обычный нос, такой же, как у всех...

Когда он впервые попытался привыкнуть через повязку, то не почувствовал ничего. Ни-че-го-шень-ки! Вместе с размерами носа он потерял и свой необыкновенный дар. Теперь он годился разве что для работы автоинспектором. Даже мафия потеряла к нему всякий интерес. А обладательница чарующего аромата превратилась в самую обыкновенную женщину. Конечно, она осталась женщиной, но без волшебного аромата...

Тем не менее, они поженились, и у них родился ребёнок. Сын. Акушерка, которая извлекла младенца на свет, высоко подняла его и воскликнула: «Господи, ну и носище!».

Татьяна
ИВЛЕВА

Tatiana
IVLEVA

*Блуждают жизненные соки
среди корней, среди коряг,
но устье помнит об истоке,
и крона помнит о корнях.*

Людмила Гончарова

Где родина и кто родня,
с рожденья ведаю, но, всё же,
чужбина пестует меня,
и хлеб насущный – от неё же.
Ей дифирамбы не пою,
хотя я с ней детей крестила.
Она вошла в судьбу мою,
меня в свою судьбу впустила.
Осталась родина вдали
мемориалом лихолетья.
Мне выбор сделать помогли
вожди отпетого столетья.

(Deutsche Übersetzung: Malgorzata Bartula)

Wo ist die Heimat, und wer die Familie,
der Geburt nach weiß ich es, und doch,
ein Fremdenland mir zur Amme,
das täglich Brot von ihm auch,
Loblieder singe ich ihm nicht,
obgleich Kinder wir gemeinsam taufen,
es trat ins Schicksal mein,
ließ mich in das seine treten.
In der Ferne blieb die Heimat
als das Tagebuch schlechter Zeit.
Die Wahl zu treffen halfen mir
die Befehlshaber uneinsichtigen Jahrhunderts.
Mir – das Gift Tropfen für Tropfen einzunehmen
aus der Vermutung, alles sei noch abgründiger:

Мне – яд по капле принимать
догадки, всё ещё глубинной:
была ли родина мне – мать,
и стала ль мачехой чужбина?
Мне – яд. Мне – ад. Мне век искать
Ответ, как вздох, неуловимый:
за что так слепо любит мать
ребёнок, ею не любимый?

ЗАЛЁТНЫЙ АНГЕЛ

Светлым днём из ночи тёмной,
С рыжим локоном на лбу,
Босоногой и бездомной
Залечу в твою судьбу.

Что же медлишь ты у двери?
Прилетаю не впервой...
Не узнал? Иль не поверил?
Я – залётный ангел твой.

Утолю твои печали,
Исцелю тебя от бед.
Небеса нас обвенчали –
Будем счастливы сто лет.

И не верь людским советам –
Слушай сердце лишь одно.
Мне сполна теплом и светом
Одарить тебя дано.

Но, похоже, не желаешь
Ты ни света, ни тепла...
Что ж, прощай! Живи, как знаешь.
Я в судьбе твоей была.

es war mir einmal Heimat – Mutter,
und wurde zur Stiefmutter das Fremdenland?
Mir – das Gift. Mir – die Hölle. Mir für Lebzeit zu suchen
die Antwort, – wie ein Seufzer, – nicht fassbar:
wofür so blind die Mutter liebt
der Jüngling – von ihr ungeliebt?

VORÜBERGEFLOGENER ENGEL

(Deutsche Übersetzung: Valentina Apro)

Komme hell aus dunkler Trübnis, –
Locken zieren Antlitz mein –
Fliege, obdachlos und barfuss,
In dein Schicksal ich hinein.

Steh' nicht zögernd auf der Schwelle,
Komm' ich nicht zum ersten mal...
Nicht erkannt? Wohl nicht geglaubt?
Bin – dein Engel, mein Gemahl.

Fremden Rat befolge nicht –
Nur das Herz sieht klar und schlicht.
Ich allein kann dir bescheren
Himmelswärme, Himmelslicht.

Deinen Kummer werd' ich stillen,
Deine Wunden werden heil.
Uns der Himmel hat getraut –
Reines Glück wird uns zuteil.

Kein Bedarf nach Licht und Wärme
zeigt mein Liebster... Lebe wohl!
War ich mal in deinem Leben...
Doch ein Engel fliegen soll...

...пятизвёздное кочевье...

В.Р.

Сквозняки пятизвёздных кочевий
Над песчаным свистят пятачком,
Выдувая сыновне-дочерний
Смысл в понятиях: Родина, Дом.
Здесь искали мы воли и доли,
Лопоча на чужом языке,
Рассыпаясь кристаллами соли
В золотом европейском песке.
Здесь – во многоязычном смятенье –
Мы родную коверкали речь,
Здесь утратили предназначенье,
Перепутав – что жечь, что беречь.
Здесь – раскинут шатры бедуины...
И – где храмы стояли вчера –
Станут земли подобием глины,
Станут книги добычей костра.
Но, сдаётся мне: в проблеске майском,
Сто иль триста столетий спустя,
Колокольчиком звякнет валдайским
В кочевой колыбели дитя.

*...5-Sterne Nomadenlager...
für V.R.*

In dem 5-Sterne-Zelt der Nomaden
Fegt die Zugluft das sandige Fleckchen,
Pustet Wörtern wie »Vaterland«, »Haus«
Ihren Sohn-Kern und Tochter-Sinn raus.
Freiheit suchten wir hier und Schicksale,
Kauend hart an der Sprache der Fremde,
Mischten uns wie die Rohsalzkristalle
Unter goldenem Sande Europas.
Hier – Verwirrung der Sprachen und Hemmung,
Unsre eigene fing an zu bröckeln.
Hier verloren wir unsre Bestimmung,
Und vermischten »bewahren« – »verbrennen«.
Beduinen, schlägt hier Zelte auf –
Und – wo leuchteten gestern die Tempel –
Wird die Erde – zu Lehm, öd und brüchig,
Und zum Opfer des Feuers – die Bücher.
Doch, mir scheint, dass im Glanze des Frühlings,
Nach Jahrhunderten – zwei oder drei –
Mal erklingt aus der Wiege ein Baby
Wie ein Glöckchen vom fernen Waldaj.

Из Эльзы Ласкер-Шюлер

(Перевод с немецкого Татьяны Ивлевой)

ПЕСНЬ ЛЮБВИ

Из золотых дуновений
Создало нас небо.
О, как мы любим друг друга...

Бутоны на ветках птицами стали,
И розы вспорхнули.

В тысяче поцелуев
Ищу лишь твои губы.

Ночь – из золота,
Звёзды – из ночи...
Никто нас не видит.

Свет забрезжит сквозь зелень,
Дремлем мы;
Только плечи наши ещё трепещут, как мотыльки.

ТРИСТАНУ

Мне не до сна,
Когда ты осыпашь золотом меня.

Мой слух огромен, словно колокол:
Кому ты внемлешь?

Букеты звёзд небесных
Светлы, как ты.

EIN LIEBESLIED

Aus goldenem Odem
Erschufen uns Himmel.
O, wie wir uns lieben...

Vögel werden Knospen an den Ästen,
Und Rosen flattern auf.

Immer suche ich nach deinen Lippen
Hinter tausend Küssen.

Eine Nacht aus Gold,
Sterne aus Nacht...
Niemand sieht uns.

Kommt das Licht mit dem Grün,
Schlummern wir;
Nur unsere Schultern spielen noch wie Falter.

AN TRISTAN

Ich kann nicht schlafen mehr,
Immer schüttelst du Gold über mich.

Und eine Glocke ist mein Ohr,
Wem vertraust du dich?

So hell wie du,
Blühen die Sträucher im Himmel.

Срывают ангелы твою улыбку
И дарят детям,
Чтоб они играли с солнцем.
Да...

ПРОЩАНИЕ

Я всегда хотела тебе
Много слов о любви сказать,

Ты ещё не устал искать
Чудо, что затерялось.

Мой пробьёт долгожданный час,
Мы отпразднуем нашу свадьбу.

О, родные глаза твои –
Всех на свете цветов любимей!

Твоё сердце – небесный рай,
Дай же мне заглянуть в него!

Образ твой из мерцания трав,
Ты так тих и задумчив.

Я всегда хотела тебе
Много слов о любви сказать...

Почему я не сделала это?

Engel pflücken sich dein Lächeln
Und schenken es den Kindern.

Die spielen Sonne damit
Ja..

ABSCHIED

Ich wollte dir immerzu
Viele Liebesworte sagen,

Nun sudist du ruhlos
Nach verlorenen Wundern.

Aber wenn meine Spieluhren spielen
Feiern wir Hochzeit.

O, deine süßen Augen
Sind meine Lieblingsblumen.

Und dein Herz ist mein Himmelreich...
Laß mich hineinschaun.

Du bist ganz aus glitzernder Minze
Und so weich versonnen.

Ich wollte dir immerzu
Viele Liebesworte sagen,

Warum tat ich das nicht?

Марта
КОГАН

Marta
KOGAN

Н О...

Ну разве это не смешно –
В одежды нежности рядиться
И по ночам смотреть в окно,
Как настороженная птица,

Над строчкой биться до утра
И все надеяться на встречу?
«Тебе, голубушка, пора
Уже задуматься о вечном.

Опомнись и угомонись!
Да можно ль так в твои-то годы
Но... так неугомонна жизнь.
Но... так неистова природа.

ABER...

(Deutsche Übersetzung: Maria Petri-Haut)

Ich weiß, hab mich zum Narren gemacht
Von Kleidern aus Zärtlichkeit umhüllt
Steh ich wartend am Fenster in der Nacht
unruhig und flatternd aufgewacht
wie ein Vogel, der einsam sich fühlt.

Suche Worte für ein Gedicht, bis es tagt
und bange und hoffe dich wiederzuseh'n –
Von Zweifel und Hoffnung durchglüht und geplagt
hör' ich eine Stimme, die zu mir sagt:
„Was ist – was wird mit dir gescheh'n?“

Ist dieses Fühlen der Jugend bestimmt?
Sollte ich gesetzter durch' s Leben schreiten?
Doch keine Vernunft meine Unruhe nimmt,
die Natur nicht in festen Bahnen schwimmt,
sondern mitten im Meer, im wilden, weiten.

Тихонько пел мой сын
Вдвоем со мною,
Мне час такой один
Был дан судьбою.

Красивый мальчик пел,
И ты был с нами.
И ангел пролетел,
Взмахнув крылами.

Миром управляет красота
(Женский лик сильней армады воинств),
И ценнее всех её достоинств –
Преданность в любви и доброта.

Бросишься, как головой с моста,
В сладкий плен любовных жёстких пут,
И спасут тебя и вознесут
Преданность в любви и доброта.

А заела жизни суета,
Неба нет под ворохом забот –
Поспешి туда, где тебя ждёт
Преданность в любви и доброта.

(Deutsche Übersetzung: Eugenia Platte)

Ganz leise sang mein Sohn
Mit mir zusammen,
Mir wurde eine solche Stunde
Von Schicksal gegeben.

Der schöne Junge sang,
Und du warst neben uns.
Und ein Engel flog,
Mit den Flügeln schlagend.

(Deutsche Übersetzung: Maria Petri-Haut)

Die Welt wird von Schönheit regiert,
der Frauen schönes Gesicht
hat mehr Macht als 1000 Soldaten,
und doch – äußere Schönheit verliert
gegen inneres Licht
in dem Treue und Güte warten.

Stürzt du dich kopfüber hinein
In die Gefangenschaft
der Frauen Liebkosung Ketten,
so kannst du voll Hoffnung sein,
denn 2 Tugenden haben die Kraft:
Treue und Güte können dich halten und retten.

Und bist du vom Leben gehetzt und mit Sorgen gefüllt
und der Himmel scheint sein Licht zu verlieren,
dann suche dir ein Netz,
das dich tröstend umhüllt
aus Treue und Güte – schon wirst du Lebenskraft spüren.

Евгения
КОМАРОВА

Eugenia
KOMAROVA

М

ВНЕ...

Маятник перестал
Качать головой, повторяя: «нет-нет»
В ответ на все мои просьбы.

Два беспощадных клинка
Остановились в своём смертоносном
Движеньи по кругу.

Время свернулось калачиком
И задремало
На тёплых моих коленях.

Глажу тихонько по шерстке
(А против – попробуй-ка! – цапнет до крови!)
Эту тигровую кошку.

ABSEITS...

(Deutsche Übersetzung: Heide Rieck)

Das Pendel hat aufgehört
den Kopf zu schütteln, immer „nein, nein“ zu sagen
auf all meine Bitten.

Zwei erbarmungslose Klingen
halten inne im todbringenden
Kreislauf.

Die Zeit hat sich zusammengerollt
und schlummert
warm in meinem Schoß.
Sacht streiche ich über das Fell
(versuch's mal gegen den Strich – sie kratzt dich blutig)
dieser getigerten Katze.

ИСКУССТВО ПЕРЕВОДА

Искусство перевода –
Шаг через пустоту.
Искусство перехода
По шаткому мосту.

Под переплётом книги
Два разных языка
Перевились, как нити
Двух разных ДНК.

Со-знание, со-хранение –
Двоичный жизни код.
И, чудом со-творенья,
Со-плоть – перевод.

Как сердца перебои
Влюблённых – в унисон,
Искусство перевода –
В чужой проникнуть сон.

О, перевоплощение –
Опасная игра!
Всегда ли возвращение
Возможно до утра?

Пока петух не крикнул,
Пока горит свеча,
Плутать по лабиринту,
Заклятия шепча,

Блуждать в иной вселенной
Непрошеным, как тать,
И душ переселенье
До-словно понимать.

DIE KUNST DES ÜBERSETZENS

(Deutsche Übersetzung: Heide Rieck und Eugenia Komarova)

Die Kunst des Übersetzens
Kühn der Schritt über die Leere.
Die Kunst des Über-setzens
Auf schwankendem Steg.

Zwischen den Buchdeckeln
zwei verschiedene Sprachen,
verwoben wie die Fäden
zweier blutfremden DNAs.

Im Einvernehmen das Hüten
eines dualen Schlüssels,
mit dem nur wird geöffnet
die Schatztruhe – die Übersetzung.

Gleich dem Pochen und Stammeln
von Herzen Verliebter in Harmonie
die Kunst des Übersetzens:
ein Traum gemeinsam träumen.

O, Reinkarnation –
gefährliches Spiel!
Ist Rückkehr wohl möglich
noch vor dem Morgengrauen?

Solange der Hahn nicht kräht,
solange die Kerze brennt,
irren im Labyrinth,
Verwünschungen murmelnd.

Schweifen im Kosmos des Anderen
ungebeten wie ein Dieb,
und Wort um Wort erahnen
den Geheimkode seiner Seele.

Вадим ЛЕВИН Vadim LEVIN

В

1967-1968 г.г. в нескольких номерах знаменитой юмористической «16-й полосы» «Литературной газеты» (Клуб «12 стульев») были впервые опубликованы «Самые новые старинные английские народные баллады и сказки». Были они настолько новы, что англичане ещё не успели их написать по-английски. Сочинил их прямо на русском языке харьковский английский поэт Вадим Левин. На русском – потому что английского он не знал, а сочинять английские народные баллады поэту так хотелось, что он до появления английских подлинников создал русские до-подлинные переводы баллад и стал ждать, когда англичане переведут их обратно.

В 1969 г. английские до-подлинники Вадима Левина вышли отдельной книжкой «Глупая лошадь» в Новосибирске и вместе с волной эмигрантов восьмидесятых попали в США. И вот в январе 2005 г. по нью-йоркскому русскому радио «Надежда» ведущий литературных передач Виктор Персик объявил:

*«Дорогие любители летающих, глупых и других лошадей! У меня для вас приятная новость. На рубеже 2004 и 2005 годов в английской литературе для детей произошло замечательное событие: здесь, в Соединенных Штатах Америки, на наших с вами глазах, английский детский фольклор пополнился четырнадцатью новыми старинными английскими стихотворениями!!! В городе Колумбус, штат Огайо, в издательстве «Pumpkin House» вышла книжка «Silly Horse», состоящая из **до-подлинных** английских стихов Вадима Левина (Марбург), которые перевели на английский американки Tatiana Zunshine & Tanya Wolfson (Татьяна Зуншайн и Таня Вольфсон) и блестяще проиллюстрировал Евгений Антоненков (Москва)».*

Ende 1967-Anfang 1968 erschienen in einigen Ausgaben der berühmten »Literarischen Zeitung«, in ihrer nicht weniger berühmten humoristischen Rubrik »Der Klub der 12 Stühle« zum ersten

mal »Die neueste alte englische Volksballaden und Märchen«. Die waren so neu, dass die Engländer selbst noch nichts von ihrer Existenz wussten. Diese Balladen und Märchen wurden gleich auf Russisch von einem englischen Dichter aus Kharkov namens Vadim Levin geschrieben. Er schrieb soo groß, dass er kein Geduld hatte abzuwarten, bis diese Balladen in der Originalsprache veröffentlicht werden. Er schrieb halt die **ur-eigene** Übersetzungen auf Russisch und fing an zu warten, dass sie ins Englische zurückübersetzt werden.

1969 erschienen diese ur-eigene englische Balladen auf Russisch als ein eigenständiger Gedichtband unter dem Namen »Das dumme Pferd« in einem Verlag in Nowosibirsk und gelang mit der Emigrantenwelle der 1980-er Jahren aus UdSSR nach USA. Und dann, im Januar 2005, verkündete der Moderator der russischen Redaktion vom Rundfunk New York :

*»Liebe Freundinnen und Freunde der fliegenden, dummen und anderen Pferden! Ich habe für sie eine frohe Botschaft! An der Grenze von 2004 und 2005 hat sich ein großartiges Event in der englischen Kinderliteratur ereignet: hier, in USA, vor unseren Augen, wurde die englische Volkspoesie für Kinder um die DREIZEHN neue altenglische Gedichte bereichert!!! In Columbus, Ohio, im Verlag »Pumpkin House« erschien das Buch »Silly Horse« von Vadim Levin mit seinen **ur-eigenen** englischen Balladen, übersetzt ins Englische von den Amerikanerinnen Tatiana Zunshine & Tanya Wolfson und brillant illustriert von Jewgenij Antonenkow aus Moskau!«*

There is only one thing in life Vadim Levin has always been serious about — playing. As a young boy he started playing with words, forming them into poems. As a grown-up director of a children's literary studio he played "poetry" with his students and studied the way children

play. In his free (from playing) time he writes articles and books about playing. He is a writer, a doctor of psychology, a corresponding member of the Academy of Social Science and Education, and a lecturer in the field of education.

Vadim Levin has published many books, but it was the *Silly Horse* that blazed the trail for them. Friends and colleagues say that Vadim Levin rode into literature, psychology and education atop the *Silly Horse*. He has played many games, but his very favorite game is being a writer of children's books. He lives in Marburg, Germany, with his wife Ella.

Evgeny Antonenkov lives in Moscow and works as an Art Director for children's publishing house Arkaim. During his 25-year career as an artist, Evgeny has illustrated over 25 children's books, including *A Little Story About a Big Turnip*, *Move your Ears*, *Winnie the Pooh*, *The Ring and the Rose*, *Russian Folktales*

for Children, *Cippolino*, etc. His book *Move your Ears* was nominated for the 2004 Bologna Ragazzi Award. In 2001 he received an honorary diploma for his illustration of *Winnie the Pooh*. He has had solo exhibitions in Moscow and Prague and has participated in various exhibitions in Europe and Asia.

He lives in Moscow with his wife Marina, his sons Pavel and Nikita, and his grey cat named Tom.

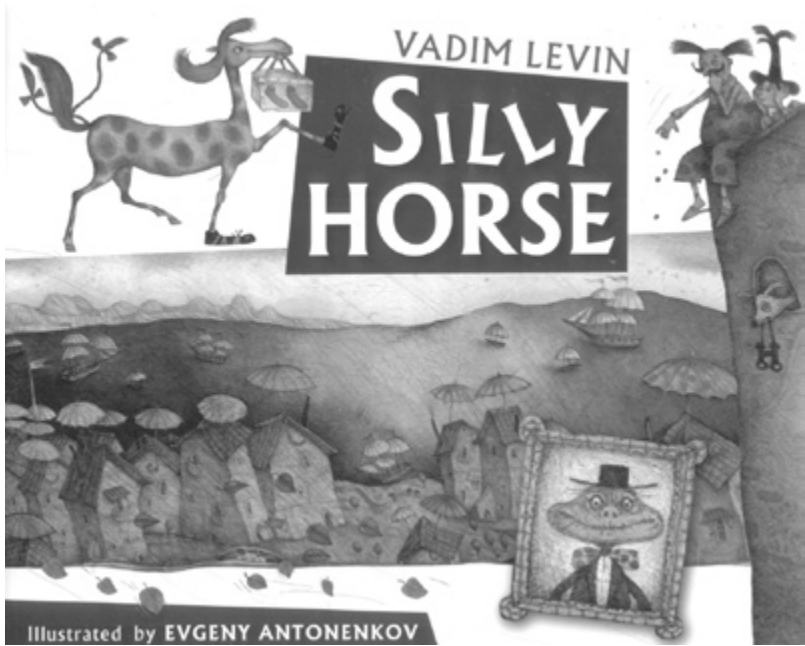
МАЛЕНЬКАЯ ПЕСЕНКА О БОЛЬШОМ ДОЖДЕ

Целый месяц
под дождём
мокнет крыша,
мокнет дом,

мокнут листья и цветы,
мокнут лужи и зонты,

мокнут парки и поля,
мокнет мокрая земля,

и далёко от земли
мокнут в море корабли.

A LITTLE POEM ABOUT A BIG RAIN

For a month the sky's been gray.
All we get is rain all day:

Soaking houses, trees and leaves,
Dripping noses, shoes and sleeves,

Soggy ground is soaked right through,
Parks and fields are soaking too,

And too far away to see
Ships are soaking in the sea.

ЗЕЛЁНАЯ ИСТОРИЯ

Тётушка Кэти
(в зелёном жакете),
дядюшка Солли
(в зелёном камзоле),
а также их дети
Одетта и Хэтти
(и та и другая – в зелёном берете)
вчера на рассвете
(в зелёной карете)
отправились в гости к сестре Генриетте.

А маленький Джонни и серенький пони
(но пони был всё же в зелёной попоне)
за ними пустились в погоню.

Тётушка Кэти
(в зелёном жакете),
дядюшка Солли
(в зелёном камзоле),
а также их дети
Одетта и Хэтти
(и та и другая – в зелёном берете)
домой возвратились в зелёной карете,
в той самой, в которой вчера на рассвете
они уезжали к сестре Генриетте.

А маленький Джонни и серенький пони
(но пони был всё же в зелёной попоне)
вернулись в купейном вагоне.

A GREEN STORY

Auntie Jackie
(In a green jacket),
Uncle Matt,
(With a green hat),
Together with daughters Odetta and Greta
(Each of them wearing a fuzzy green sweater),
Went in a carriage
To the town of Rosetta
To witness the marriage
Of aunt Henrietta.

But their son Johnny on a grey dappled pony
(Who had a green saddle and liked macaroni)
Chased after them in the morning.

Auntie Jackie
(In a green jacket),
Uncle Matt,
(With a green hat),
Together with daughters Odetta and Greta
(Each of them wearing a fuzzy green sweater),
Came back in the carriage
They took to Rosetta
To witness the marriage
Of aunt Henrietta.

But their son Johnny
And the grey dappled pony
(Who had a green saddle and liked macaroni)
Took a train on the following morning.

ИСТОРИЯ О ДЖОНАТАНЕ БИЛЛЕ

Джонатан Билл,
который убил
медведя
в Чёрном Бору,

Джонатан Билл,
который купил
в прошлом году
кенгуру,

Джонатан Билл,
который скопил
пробок
два сундука,

Джонатан Билл,
который кормил
финиками быка,

Джонатан Билл,
который лечил
ячмень
на левом глазу,

Джонатан Билл,
который учил
петь по нотам
козу,

Джонатан Билл,
который уплыл
в Индию
к тётушке Трот, –

ТАК ВОТ
этот самый Джонатан Билл
очень любил компот.

JONATHAN BILL

Jonathan Bill,
Who chased down and killed
A bear in southern Peru,

Jonathan Bill,
Who spent a great deal
Buying a grey kangaroo,

Jonathan Bill,
Who saved at his mill
A million bottle corks,

Jonathan Bill,
Who fed his mean bull
Dates on a silver fork,

Jonathan Bill,
Who once cured a chill
With mustard plaster and oats,

Jonathan Bill,
Who finds it a thrill
Teaching singing to goats,

Jonathan Bill,
Who sailed to Brazil
To meet his aunt Maud to lunch –

– Well!

It turns out
that Jonathan Bill
REALLY enjoyed

FRUIT PUNCH!

СТР-Р-Р-РАШНАЯ НОЧНАЯ ИСТОРИЯ С БИНОКЛЯМИ

Предисловие к страшному

А сейчас тут такое случится,
что потом по ночам будет сниться.
И поэтому всех, кто боится,
побыстрее прошу удалиться!

Страшное

Миссис и мистер Бокли
ночью проснулись вдруг.
Миссис и мистер Бокли
открыли старый сундук,
миссис и мистер Бокли
достали из сундука
большие морские бинокли
и
орехи –
четыре мешка.

Миссис и мистер Бокли
по лестнице шли с трудом.
Миссис и мистер взмокли,
скрипел и качался дом.
Но они поднимали все выше
четыре мешка и бинокли.
И вот
оказались на крыше
миссис и мистер Бокли.

A REALLY SCARY MIDNIGHT TALE WITH A TELESCOPE

1. PREFACE TO THE SCARY PART

What is now about to transpire
Can make the weakhearted expire.
If your brow begins to perspire
I suggest you make haste and retire.

2. THE SCARY PART

Mr. and Mrs. Bockley
Woke up in a state of unrest.
Mr. and Mrs. Bockley
Unlocked the family chest.
Inside they rummaged and groped
Till under the old knickknacks
They found:
A telescope,
And walnuts –
Four heavy sacks.

Up the winding staircases
Climbed Mr. and Mrs. Bockley.
Sweat ran down their faces,
Their knees almost buckled,
The old building shook and groaned,
The stairs twisted round and round,
But they huffed up and puffed up
Till they stood on the rooftop.

Миссис
легла у застрехи,
мистер
сел на карниз –
И –
стали колоть орехи!

А
 скор-
 луп-
 ки
 бро-
 са-
 ли
 в
 н
 и
 з
 .
 .
 .

ПОСЛЕСЛОВИЕ К СТРАШНОМУ

Я прошу вас
(и вы обещаете, да?):
не бросайте скорлупок в идущих под окнами!

И еще одна просьба:
нигде,
НИКОГДА
не колите орехи
морскими биноклями.

At the edge of the slanting slope,
Until the break of dawn

They Cracked Nuts with the Telescope!
And

the shells
they threw
down
down
d
o
w
n
.
.
.

3. AFTERWORD TO THE SCARY PART

Yes, but promise
You'll never throw junk
From the roof:
Folks below
Might consider it
Less than a compliment.

And another thing –
Even if the box says
“Breakproof”,
NEVER
Crack nuts
With an optical instrument!

ГЛУПАЯ ЛОШАДЬ

Лошадь купила четыре калоши –
пару хороших и пару поплоше.

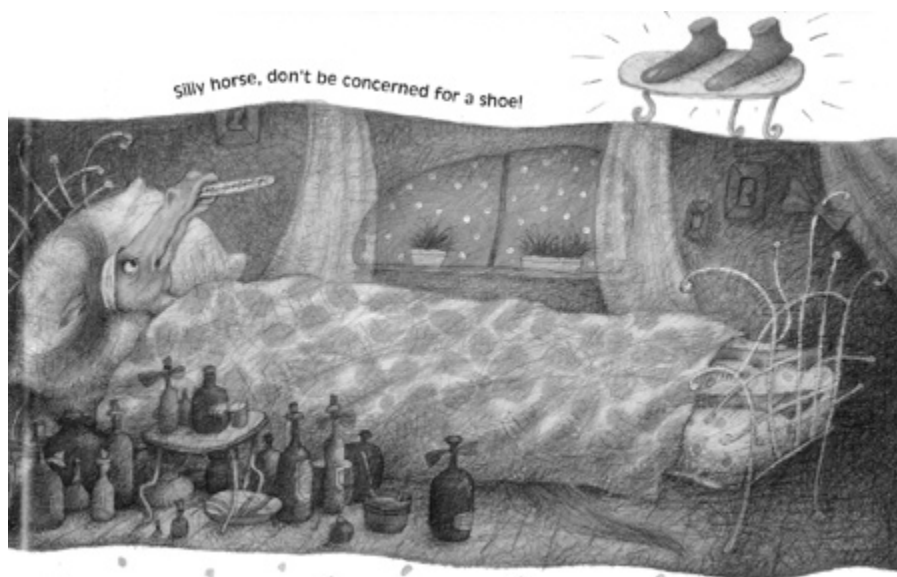
Если денек выдаётся погожий,
лошадь гуляет в калошах хороших.

Стоит просыпаться первой пороше –
лошадь выходит в калошах поплоше.

Если же лужи по улице сплошь,
лошадь гуляет совсем без калош.

Что же ты, лошадь, жалеешь калоши?
Разве здоровье тебе не дороже?

(Остальное читайте в сборнике «Глупая лошадь»)

SILLY HORSE

A horse has four shoes with black rubber soles.
Two of them new, but the other have holes.

If the weather is fair, no rain on the news,
The horse likes to wear her best pair of shoes.

When the first wave of snowflakes whirls in the air
She goes home to change to a worn-out pair.

When it's muddy or icy, and folks slip and slide
The horse still goes out, but the shoes stay inside.

Silly horse, don't be concerned for a shoe!
Isn't your health more important to you?

(Alles andere Lesen Sie im Buch «Silly Horse»)

SILLY HORSE

Клавдия
ЛЕЙБОВА

Klavdia
LEYBOVA

НОЖНИЦЫ

*Двадцать второго июня
ровно в четыре часа
Киев бомбили – нам объявили,
что началась война.*

Э

ту простенькую песенку на нехитрый мотив «Синенького платочка» знала вся страна. Для киевлян она отмечена особо. Киев бомбили на рассвете, чудесной киевской июньской ночью, мирный, теплый Киев – с едва отцветшими каштанами, буйными сиренями, тополиным пухом...

За месяц с небольшим до этого мне исполнилось три года. По рассказам родных я была существом веселым, общительным, с пушистой стрижкой «Мирей Матье», украшавшей мою голову задолго до рождения одноименной певицы. Я тоже воображала себя певицей и залихватски распевала множество довоенных песенок вроде «э-эх, лимончики, мои лимончики, зачем растете вы у Коли на балкончике?» – в доме был патефон, а мой молодой папа был большим его любителем. Раздобыв очередную пластинку, готов он был разбудить весь наш коммунальный муравейник, чтобы послушали. Впрочем, его широкая натура вмещала множество увлечений, среди которых на первом месте был – Автомо-

DIE SCHERE

(Deutsche Übersetzung: Almut Seiffert)

*Am 22. Juni,
um vier Uhr früh exakt
bombardierten sie Kiew,
erklärten uns,
daß der Krieg begonnen hat.*

Dieses einfache Liedchen nach dem unschuldigen Motiv vom »blauen Tüchlein«, kannte das ganze Land.

Für Kiewer hatte es besondere Bedeutung. Kiew wurde im Morgengrauen bombardiert, in einer der wunderbaren Kiewer Sommernächte – das warme, friedliche Kiew, mit gerade erblühten Kastanien, überbordendem Flieder, dem Flaum von Pappeln...

Gut einen Monat vorher war ich drei geworden. Die Verwandten sagen, ich sei ein fröhliches und umgängliches Kind gewesen, mit einer flaumigen Mireille-Mathieu Frisur (lange, bevor die Sängerin dieses Namens geboren war). Ich wollte auch Sängerin werden und schmetterte übermütig viele von den Vorkriegsliedchen, solche wie: »Ach ihr Zitronchen, meine Zitronchen,

биль. Получив меня третьей в семье девочкой, он отчаялся и стал всем усвоенным им автомобильным премудростям обучать меня. Потому моим коронным номером при гостях были отнюдь не пошлые «лимончики» – меня ставили на широкий мраморный подоконник, и я докладывала, из чего состоит автомобильный мотор.

...Часть, в которой служил мой папа, стояла в Голосеевском лесу, тогда еще пригороде Киева. Однажды утром он примчался на «мотоциклете», как тогда говорили, и велел немедленно попытаться любым способом покинуть город. Как ни замалчивали местные газеты и радио, слухи о смертельной опасности для евреев в случае оккупации города все же просачивались. Кроме нас и наших соседей, во дворе жила еще одна еврейская семья. Их сын был мобилизован, а они не хотели никуда двигаться, по старой памяти полагая немцев культурной нацией, не способной на зверства. Оба потом оказались в Бабьем Яру...

Наши соседи по квартире, из семьи которых ушли воевать пятеро мужчин от девятнадцати до тридцати девяти годов (вернулся один, танкист, с обгорелым черепом), стали собираться в путь. Им было проще – на четверых взрослых женщин приходился один ребенок, мой друг и ровесник Гарька. И моя красивая тридцатитрехлетняя мама с двумя детьми и старой бабушкой, к тому же еще фанатически религиозной женщиной – со всеми вытекающими отсюда последствиями вроде непреклонного отказа от «трефной» пищи, – отправилась вместе с ними.

В Сталинграде, куда добрались мы на товарном составе, пути наши разошлись. Соседи осилили путь в глубокий тыл, в Омск, а мама просто не решилась и сдалась на милость судьбы. И вот, представьте, последняя точка, где мы сиротливо приткнулись, убежав из объятых уже огнем Сталинграда, была – хутор Шарашкин, Сталинградской области, Алексеевского района. Там приютила нас замечательная женщина, Пономарева Хима Ивановна. Муж ее воевал, а детьми они не успели обзавестись. В углу химочкиной горницы, куда она нас определила, горой были навалены сушеные крупными золотистыми ломтями яблоки, издававшие совершенно замечательные мирные запахи дома, сада, компота... до сих пор душа моя откликается на эти запахи какой-то тайной, неведомо где хранимой памятью...

warum nur wächst ihr bei Kolja am Balkönchen?» – wir hatten ein Grammophon und mein Vater liebte das sehr und scheuchte jedesmal, wenn er eine neue Platte ergattert hatte, den ganzen Ameisenhaufen unseres Mietshauses auf, damit sie sie anhörten. Übrigens hatte seine großzügige Natur Raum für viele Leidenschaften. Das wichtigste davon war das Auto. Als er mich als drittes Mädchen in der Familie bekommen hatte (eine meiner Schwestern ist 1939 gestorben), ließ er alle Hoffnung fahren und fing an, mir all die Auto – Weisheiten beizubringen, die er sich erworben hatte. Deshalb war meine Glanznummer vor Gästen irgendwann nicht mehr das »Zitrönchen«-Lied – vielmehr wurde ich auf ein breites Marmorsims gestellt und hielt einen Vortrag über die Bestandteile eines Motors.

....Die Einheit, bei der mein Vater diente, stand im Goloseew Wald, damals ein Vorort von Kiew. Einmal morgens kam er auf seinem Mofa angerast und befahl, daß wir sofort versuchen sollten, irgendwie die Stadt zu verlassen. Sosehr sich die örtlichen Zeitungen und das Radio auch in Schweigen hüllten, waren doch Gerüchte durchgesickert über die tödliche Gefahr, die eine Besetzung der Stadt für die Juden bedeuten würde.

Außer uns und der Nachbarfamilie wohnte in unserem Hof noch eine jüdische Familie. Ihr Sohn war schon eingezogen und die Alten wollten nirgends hin, weil die Deutschen doch immer eine Kulturnation gewesen seien und keiner Bestialitäten fähig. Sie landeten beide in Babij Jar. Unsere Wohnungsnachbarn, aus deren Familie fünf Männer zwischen 19 und 39 an der Front waren (zurück kam einer, ein Panzerfahrer, mit abgesengten Haaren), fingen an, sich für den Weg vorzubereiten. Sie hatten es leichter: bei ihnen kam auf vier erwachsene Frauen ein Kind, mein Freund Garka, so alt wie ich. Und meine schöne, 33 Jahre alte Mutter mit ihren zwei Kindern und der alten Großmutter, die obendrein fanatisch religiös war – mit all den Folgen, die das hatte, wie etwa der, daß sie sich unbeugsam weigerte, etwas »Trefenes« zu essen, – zog mit ihnen.

In Stalingrad, wohin wir in einem Güterzug kamen, trennten sich unsere Wege. Die Nachbarn schafften den Weg ins tiefe Hinterland, nach Omsk, aber unsere Mutter konnte sich zu nichts mehr entschließen und überließ sich der Gnade des Schicksals. Und stellt euch vor, der letzte Ort, am dem wir einfach blieben, als wir aus dem schon von Feuer umgebenen Stalingrad herausgekommen waren, war das Dorf (Vorwerk) Scharaschkin im Oblast

Однако мы жили на фронте. Конечно, по тогдашнему малолетству я не понимала этого и ничего не боялась. А был наш бедный хутор маленькой точкой, пылинкой в море огня и железа, изрыгающего этот огонь с неба и земли.

Это были не столь уж глубокие тылы Сталинградской битвы, отчего постоянно слышали мы грохот орудий, а ночью у нас бывало светло, как днем. Химочкин двор, как и весь хутор Шарашкин, опоясывали окопы. «Тыловые» солдатики готовились в любой момент принять свою участь, они были солдаты, а мы? Что ждало нас в случае неудачи в Сталинграде?

Я паслась у них, выступала со своим мирным еще репертуаром, подхватывала новые, уже военные песенки. Они меня обожали, баловали, подкармливали. Помню большие бесформенные куски сероватого сахара, который раскалывали тяжелым ножом-финкой, отчего он выстреливал красиво голубыми и розовыми искорками. Особенно я дружила с одним солдатом, который говорил, что «дома у него ну точно такая осталась». Он давал мне есть с ножа кусочки тушенки, впрочем, приговаривая, что если есть с ножа – характер испортится, а с плохим характером кто ж тебя замуж возьмет, вон, у тебя и нос-то полон веснушек. От веснушек, правда, предлагалось верное средство – их мог бы слизать телок. Долго и безутешно разглядывая себя в маленьком мамином довоенном зеркальце-блокнотике, я в самом деле обнаружила несколько крупных веснушек на носу и просто запаниковала. С чего я в свои столь юные года решила, что нужно непременно замуж, не знаю. Но только, свято своему другу поверив, однажды стала приставать к соседскому теленку и совать ему в морду свой веснушчатый нос. Теленок в недоумении довольно долго это все терпел, а потом взял меня на свои еще «молочные» маленькие рожки, забодал то есть, и я очутилась на козлах для пилки дров, откуда и была спасена Химочкой, прибежавшей на мой отчаянный рев.

В феврале сорок третьего судьба Сталинграда была счастливо разрешена, и через хутор Шарашкин потянулись потоки военнопленных. Зима эта была необычайно снежна и сурова. Вид бредущих рваной бесконечной лентой пленных был ужасен, теперь я бы сказала – являл собою воплощение страшных фантазий Гойи. Сначала бабы и дети вы-

Stalingrad im Rayon Alexej. Dort nahm uns eine wunderbare Frau auf, Ponomarewa Chima Iwanowna. Ihr Mann war im Krieg, Kinder hatten sie keine bekommen können. In ihrer guten Stube, die sie uns gab, waren in einer Ecke getrocknete Äpfel aufgehäuft, in dicken goldfarbenen Scheiben. Sie rochen vollkommen wunderbar, nach Haus und Garten und Kompott und nach Frieden. – Bis heute rufen solche Gerüche in meiner Seele eine irgendwo im Unbewußten verborgene Erinnerung wach.

Freilich lebten wir an der Front. Wir waren im Hinterland der Schlacht um Stalingrad und nicht weit davon weg. Wir hörten den Lärm der Geschütze und die Nächte waren taghell.

Der Chima-Hof, genau wie das ganze Dorf, wurde von Schanzen durchwühlt. Die rückwärtige Soldaten waren darauf vorbereitet, jeden Augenblick ihr Schicksal auf sich zu nehmen, schließlich waren sie Soldaten – aber wir? Was erwartete uns, wenn Stalingrad verloren wurde?

Ich strolchte bei ihnen herum, »trat auf«, schmetterte neue, jetzt schon im Krieg entstandene Schlager. Sie vergötterten und verzogen mich, steckten mir Leckereien zu. Ich erinnere mich an große, formlose Stücke eines graugelben Zuckers, den sie mit einem Finnenmesser zerkleinerten, wobei es rote und blaue Funken gab. Besonders befreundet war ich mit einem Soldaten, der sagte, daß er »genau so eine Kleine zu Haus gelassen« habe. Er gab mir auf seinem Messer Stückchen von Büchsenfleisch und sagte dazu, daß es den Charakter verdirbt, wenn man mit dem Messer ißt und daß du mit einem schlechten Charakter keinen Mann kriegst, wo du auch noch so viele Sommersprossen auf der Nase hast. Gegen Sommersprossen gibt es allerdings ein verlässliches Mittel – ein Kalb könnte sie ablecken. Danach schaute ich lange und untröstlich in den kleinen Vorkriegs-Taschenspiegel der Mama, fand wirklich einige große Sommersprossen auf meiner Nase und geriet schlicht in Panik. Wieso ich mit meinen vier Jahren so überzeugt war, daß ich unbedingt heiraten mußte, weiß ich nicht. Jedenfalls, weil ich meinem Freund nun einmal inbrünstig glaubte, machte ich mich an das Kalb auf dem Nachbarhof heran und fing an, ihm meine Sommersprossennase ins Maul zu halten. Das Kälbchen ertrug das alles ziemlich lange, aber dann nahm es mich auf seine noch milchigen kleinen Hörnchen, spießte dies Futter auf und ich fand mich auf dem Sägebock wieder, – von dem ich durch die Chimotschka gerettet wurde, die auf mein verzweifelter Gebrüll hinangelaufen gekommen war.

сыпали на дорогу на них смотреть и, может, лелеяли в себе неизбежное мстительное чувство удовлетворения за их бывший победоносный и кровавый проход. Их и охраняли как-то не очень, некуда им было убежать. И забредали самые отчаявшиеся во дворы с протянутой рукой.

В химочкином дворике снег был расчищен только для узенькой тропки меж забором и хилой поленницей дров. И однажды в нашу дверь кто-то зацарапался. Мама вышла. На крылечке стояло нечто пугалоподобное, но явно еще живое, бормотало по-немецки и протягивало из немыслимого тряпья руку замурзанной ладонью вверх. На ладони лежало колечко с блестящим камешком. Его он предлагал за кусочек хлеба. Моя обычно очень тихая и спокойная мама вдруг закричала страшно, что, может, он снял его с убитой им ее сестренки, – немец не понимал русских слов, но понял русскую мысль. Он лихорадочно заговорил, что «Гитлер капут, Антонеску капут», что он вообще-то человек мирный, – портной, и в доказательство извлек из недр своих отрепий ножницы. Пока это все невыносимо долго длилось, мама вынесла кусок хлеба. И несчастный, вероятно, понял, что дары его не примут, а хлеб дают из извечной женской жалости к тому, кто голоден еще больше, чем ты.

Пленный взял хлеб, а потом они повернулись каждый в свою сторону.

...Зима длилась еще долго, топили скудно, берегли дровишки. И когда ранней весной добрались уже почти до последних, сложенных на земле, мама с изумлением вытащила из поленницы ножницы! Те самые, с толстыми черными лезвиями, с большими, для большой мужской руки, кольцами, с внушительным винтом, на котором нарядно, не заржавев ни сколько, блестела головка с крестовинкой на ней.

В ноябре 43-го освободили Киев, и мама потеряла покой. Мы ничего не знали об отце, и ей казалось, что нужно немедленно ехать в Киев, где, если жив, найдет он нас наверняка. Но нечего было и мечтать отправляться в холодную пору, мы были раздеты и разуты. Потому, едва дождавшись лета сорок четвертого и тепла, двинулись мы в обратную дорогу, которая тем только и оказалась отраднее дороги из дому, что вела домой.

В Шарашкине уезжавшие эвакуированные, прощаясь, голосили не хуже местных казачек. Детей и скудные вещички запихнули в какое-то подобие автобуса, видимо, нечто трофейное или уже доставшееся

Im Februar 1943 wurde das Schicksal Stalingrads zu unseren Gunsten entschieden, und durch das Dorf Scharaschkin zogen sich die Ströme von Kriegsgefangenen. Jener Winter war ungewöhnlich schneereich und hart. Der Anblick der Gefangenen, die sich in unendlichem ungeordneten Zug dahinschleppten, war schrecklich, heute würde ich sagen, wie vorgefühlt in den Bildern Goyas und Boschs. Zuerst strömten die Kinder und Frauen auf die Straße, um sie anzustarren und, vielleicht, endlich einmal das Bedürfnis nach Rache für ihren früheren siegreichen und blutigen Einfall zu befriedigen. Die Gefangenen wurden kaum bewacht, wo hätten sie denn hin fliehen können? So kamen manchmal die Allerverzweifeltsten in die Höfe, mit ausgestreckter Hand.

In unserem Hof war der Schnee nur für einen schmalen Weg zwischen dem Brunnen und einem kümmerlichen Holzstoß geräumt. Und einmal kratzte jemand an unserer Tür. Mama ging hinaus. Im Vorbau stand etwas wie ein Gespenst, lebte aber doch noch, murmelte deutsch und streckte aus unglaublichen Lumpen die Hand heraus, mit der Handfläche nach oben. Auf der Handfläche lag ein Ringlein mit einem kleinen glänzenden Stein. Den bot er an für ein Stück Brot. Meine im allgemeinen stille und ruhige Mutter fing plötzlich an, furchtbar zu schreien, das habe er wohl ihre Schwester abgenommen, die er ermordet habe. Der Deutsche verstand nicht die Worte, wohl aber den Sinn ihres Russisch. Er murmelte etwas von »Hitler kaputt, Antonescu kaputt« und daß er überhaupt ein friedlicher Mensch sei, ein Schneider, und zum Beweis dessen holte er aus den Tiefen seiner Lumpen eine Schere hervor. Während er noch schwätzte, holte die Mutter ein Stück Brot, und er verstand wohl, daß sie hier keine Geschenke annehmen würden aber ihm Brot geben aus dem ewigen Erbarmen der Frauen heraus für den, der noch mehr Hunger hat als du selbst. Er nahm das Brot und dann wandten sie sich ab, jeder nach seiner Seite.

Der Winter zog sich lange hin, wir heizten kärglich, sparten Holz. Und als wir im frühen Frühling schon fast bei den letzten Scheiten waren, die auf dem Boden lagen, zog die Mutter verblüfft aus dem Holzstoß eine Schere heraus. Genau die Schere, mit starken schwarzen Schneiden, den großen Grifflöchern für Männerhände und dem Gewinde, über dem der Schraubkopf glänzte, kein bißchen verrostet.

Im November 1943 wurde Kiew befreit und Mama wurde unruhig. Wir wußten nichts über meinen Vater und sie meinte, daß wir schnell nach Kiew

от союзников. Наконец и заплаканные взрослые кое-как утнездились. Стоял гомон, все никак еще не могли осознать момент расставания с людьми и местами, давшими в тяжелую минуту жизни бескорыстный приют. Я сидела у окошка, прижатая к железной стенке теплым боком моей старшей сестры Белки, колупала какую-то резинку между стенкой и стеклом и, не обращая внимания на шум, вдохновенно и тоненько пела новую песню, которой меня научили наши солдатики – «до тебя мне дойти нелегко, а до смерти четыре шага». И вдруг я услышала, что распеваю в полной и отчаянной тишине, испугалась и замолчала, а женщины с новой силой зарыдали теперь уже сразу обо всем...

В нашем скудном багаже ехали в Киев немецкие ножницы. Они жили, время от времени работали, когда нужно было разрезать что-нибудь толстое. Потом, через много лет после войны, мой муж приспособился резать ими тонкий металл.

Но судьбе, видимо, мало было одного моего бегства из родного дома. И однажды настал час, когда мы приняли нелегкое решение эмигрировать в Германию. Когда это произошло, старые немецкие ножницы, как старого члена семьи, оказалось невозможным бросить на произвол судьбы. И они – неизвестно, зачем? – вернулись туда, откуда некогда были увезены мастеровым с надеждой заняться на войне не жестоким промыслом солдата, а мирным искусством кройки и шитья...

fahren mußten, wo er uns finden könne, wenn er am Leben sei. Aber solange es kalt war, war an Aufbruch nicht zu denken, wir hatten nichts anzuziehen, waren barfuß. Doch sobald der Sommer und die Wärme des Jahres 44 gekommen waren, machten wir uns auf den Rückweg, der nur insofern angenehmer war als der Hinweg, als er nach Hause führte.

Zuerst mußten wir zum nächsten Eisenbahnknotenpunkt Lopanka kommen. Das war unter anderem ein strategischer Knoten und die Deutschen hatten ihn erbittert bombardiert. Von dort fuhren bereits Züge in verschiedene Richtungen. In Scharaschkin klagten derweilen die Evakuierten beim Abschied nicht weniger als die heimischen Kosakinnen. Die Kinder und das kümmerliche Gepäck wurden in etwas Autobusähnliches geladen, das von den Deutschen oder von den Bundesgenossen geblieben war. Zuletzt richteten sich auch die verweinten Erwachsenen irgendwie in dem Gefährt ein, das Stimmengewirr hielt an, sie konnten alle nicht begreifen, daß dies nun die Trennung von den Menschen und Orten war, die ihnen in einer schweren Zeit ihres Lebens selbstlos Asyl gewährt hatten. Ich saß am Fenster, von der warmen Seite meiner großen Schwester Belka an die Blechwand gedrückt, bohrte in dem Gummi zwischen Blech und Glas herum und sang gefühlvoll und fein ein neues Lied, das mir meine Soldaten beigebracht hatten: »Zu dir zu kommen ist nicht leicht, aber zum Tod sind's nur vier Schritt«. Und plötzlich merkte ich, daß ich in einer völligen und verzweifelten Stille sang, erschrak und verstummte, und die Frauen schluchzten wieder auf, nun schon über alles.

In unserem kärglichen Gepäck fuhr die deutsche Schere mit nach Kiew. Sie war da, manchmal wurde sie gebraucht, wenn etwas Dickes zu schneiden war. Danach, viele Jahre nach dem Krieg, gewöhnte mein Mann sich an, dünnes Metall mit ihr zu schneiden. Und als wir beschlossen, den Lauf unseres Schicksals zu verändern und nach Deutschland ziehen, schien es uns unmöglich, die Schere, die doch wie ein Familienmitglied war, einem ungewissen Schicksal zu überlassen. So kam sie – wer weiß, wozu? – dahin zurück, von wo aus sie einmal von einem Handwerker mitgenommen wurde in der Hoffnung, er könne sich im Krieg nicht mit dem blutigen Beruf des Soldaten beschäftigen, sondern mit der friedlichen Kunst des Zuschneidens und Nähens...

Heide
RIECK
Хайде
РИК

duft

AM FENSTER

von raschelndem laub

ein zauber
streichelt hell die haut
lässt im leuchtend farbenrausch
mein herz ertrinken

lächelnd
diese pappelblätter
winkend aus dem filigran

wenn ich das einmal
auch so könnte

tanzen
lösen
ab

У ОКНА

(Перевод с немецкого Евгении Комаровой)

запах
шуршащей листвы

колдовство
пробегаёт ознобом по коже
увлекает моё сердце
в сияющий омут красок

эти листья тополя
филигранной резьбы
приветливо машут прощаясь

если бы я когда-нибудь
так же смогла бы

легко
танцуя
уйти

EINMAL

ein einziges mal
dich
sehen

die pfeife im mund
das baguette in der hand
hüpfend

unter dem himmel der provence

IRGENDWO

du

mag sein hinter der kassiopea
mag sein im wind

irgenwo
kreist dein boot

im abendrot meiner herzkantate

WEISSER SCHLEIER

wehen in den bäumen
liegen im gras
sanft zu wiegen die oliven
wenn sie fallen von den zweigen
sonnenstrahlen tanzen
silbern
auf den schmalen blättern

eine grille zirpt
hoffnungsfroh
das lied vom sommer der nicht enden will

(Перевод с немецкого Евгении Комаровой)

КОГДА-НИБУДЬ

один-единственный раз
увидеть тебя

трубка во рту
багет в руке
вприпрыжку

под небом Прованса

ГДЕ-ТО

ты

может быть за кассиопеей
может быть в дыхании ветра

где-то
кружит твой чёлн

по волнам
закатной кантаты моего сердца

БЕЛЫЕ ВУАЛИ

реют среди деревьев
соскальзывают в траву
стоит слегка покачнуться оливам
когда они с веток слетают
серебристые блики солнца
танцуют
на узких листьях

цикада стрекочет
надеждой полна
песню лета которому нет и не будет конца

MEINE KINDER

wie reich ihr
jeden tag mir freude schenktet

wortblumen
glockenblumen schaukeln drachen sonnen
des käfers flug in eurem lachen

meine kinder

neu
öffnete die welt mir damals ihre tore

ihr zogt hinaus
heiße

meine kinder

dem sturm getrotzt und proben bestanden
heiße
der grat ist erreicht
weiter und immer schneller
die luft wird dünn
das dach bricht ein
das wasser steigt

wann
meine kinder
wird euch die kleine blume wieder blühen

ДЕТИ МОИ

(Перевод с немецкого Евгении Комаровой)

как щедро дарили вы мне
ежедневно радость

колокольчики слов
колокольчики на лугу качели воздушные змеи солнце
в вашем смехе полёт жука

дети мои

вновь
открывал тогда мир мне свои ворота

вы разъехались
эгегей

дети мои
в штормах устояли
и все испытания прошли
эгегей
достигли вершины
и дальше и всё быстрее
воздух всё разреженной
и рушится крыша
вода поднимается выше

когда же
дети мои
опять расцветёт для вас маленький скромный цветок

VARIATION GINKGO BILOBA¹

dieses ortes *mal* dass vor Zeiten
meinem herzen eingebrannt
lässt mich nächte tage streiten
bis der sinn der ginkgo neu erkannt

ist es ein lebendig wesen
dass sich in sich selbst getrennt
sind es zwei die sich erlesen
dass man sie als eines kennt

weitmar neben buchenwald
mir in eins als erbe übergeben
kunst und unfassbar gewalt
doppelt mal für all mein leben

¹ Die zweite Strophe stammt aus dem Gedicht »Ginkgo biloba« von Johann Wolfgang von Goethe.

² Гинкго двулóпастный – реликтовое растение, часто называемое живым ископаемым. Это единственный современный представитель класса Гинкговые (Ginkgoopsida), единственного в отделе Гинкговидные (Ginkgophyta).

Стихотворение прекрасной современной немецкой поэтессы является актуальной вариацией-реминисценцией (на тему) одноименного оригинального стихотворения великого Иоганна-Вольфганга Гёте 1815 года. Более того. Вторая строфа полностью воспроизводит таковую гётевского оригинала.

Последний неоднократно переводился на русский язык и прочно вошёл также и в переводческую сокровищницу в превосходном переложении Вильгельма Левика.

Однако сегодняшнему переводчику показалось возможным и необходимым актуализировать перевод на русский язык и второй – общей! – строфы обоих одноименных произведений – сразу как бы уже двух! – немецких поэтов. Произошло это, – если проанализировать, – в связи, очевидно, с испытанной автором обнаруженного переложения потребностью некоторой дополнительной (по сравнению с переводом В.Левика) интонационной адаптации и этой, второй (на самом деле – оригинальной гётевской, – в происхождении) строфы переводимого стихотворения к пронзительно звучащей у современной немецкой поэтессы заявленной ею сложной и многослойной тематике. – пусть, с одной стороны, насквозь и всецело исторической, но, вместе с тем, увы, – и вечной, и злободневной.

Глубинная же причина этой испытанной переводчиком потребности заключается, как представляется самому ему, в том, что изумительный классический и даже канонический перевод В. Левика является, тем не менее (как это, на его, переводчика, взгляд, нередко случается и с иными великолепными переводами Гёте как на русский язык, так и на отде-

ВАРИАЦИЯ GINKGO BILOBA²

(Переложение с немецкого Евгения Кагана)

Калёной метой почвы этой зёрна
однажды здесь мне сердце обожгли,
задав лишь вечный дня и ночи спор. Но –
резоны гинкго вскрыть мне помогли:

*«...одно ли только существо живое,
прикольно разделилось пополам;
друг другом отобравшиеся ль двое
себя в единстве презентуют нам», –*

а... «два в одном»: где Веймар, – Бухенвальд! –
передают мне, словно бы в наследство, –
с искусством – и кромешной силы гвалт³ –
в квадрате! – расщепиться напрочь – средства!

льные иные языки мира), несколько более пасторальным, нежели звучащий хотя и тоже, в лучшем смысле слова, абсолютно легко, – и не только, к тому же, злободневно и живо-трепещуще, – но также ещё и почти, без преувеличения, – научно-философски. – оригинал великого немецкого поэта-мыслителя и учёного-естествоиспытателя.

Как представляется переводчику, у Гёте и в данном случае, – что и вообще нередко бывает с его произведениями, – решительно всё это, фактически, «изначально заложено».

Что же касается присущих перу Гёте вообще (а в данном случае – также и его «подлежащему» оригинальному тексту), характерных (и только что отчасти уже упоминавшихся) свойств игривости, лёгкости и актуальности-современности, то автором данного перевода стихотворения Хайде Риекк и конкретно гётевской строфы внутри последнего было предпринято нахальное предприятие попытаться разом передать всё это в том числе и посредством использования в качестве принципиального для общего понимания как самого текста, так и многих из проанализированных выше достаточно значимых, в целом, обстоятельств, такого весьма специфического эпитета, как «ультрасовременное» слово и понятие живого русского языка: «прикольный». Несмотря на свою новизну и неконвенциональность, звучащего по ощущению переводчика, вполне аутентично, в частности – и именно! – в гётевском контексте.

³ Хочется напомнить уважаемому читателю, что русское слово «гвалт» произошло от (использованного, в частности и немецкой поэтессой в этом месте в оригинальном стихотворении), немецкого «Gewalt» (сила, насилие, мощь, власть и так далее). Некоторые из значений немецкого варианта употребления актуальны также в русском языке и по сей день. (В других славянских языках, – в т.ч., например, в украинском, это сохраняется и наблюдается в ещё более выраженной степени. Например, слово «гвалт» во многих славянских языках однозначно обозначает насилие. В русском языке это звучит не всегда столь же недвусмысленно, но и соответствующий оттенок всё ещё также актуален).

ÜBER DER RUE DES ROSIERS

vermodert
mein himmel

in der rue des rosiers
fallen
blutrosen
in meinen schoß

die rue des rosiers
trage
ich
in
mir
ans ende der zeit

НАД РЮ ДЕ РОЗЬЕР¹

(Перевод с немецкого Евгения Кагана)

истлевает
моё небо

на рю де розьер
на улице роз
как с неба сваливаются
кровавые розы
мне на колени

рю де розьер
улицу роз
несу
я
в
себе
до скончания времён

¹ Рю де Розьер (Rue des Rosiers): Улица Роз в еврейском квартале Марэ в Париже.

Светлана ФЕЛЬДЕ Swetlana FELDE

В

ЧАСОВЩИК ИЛЬЯ

1935 в цирк дядю Мишу не взяли. И пришлось ему срочно думать, как на жизнь зарабатывать, папа с мамой уже лежали на городском кладбище, пенсий по инвалидности таким, как Миша, тогда не полагалось. Пожалел его старый часовщик – взял к себе учеником, а умирая, оставил в наследство мастерскую. Больше некому было. Своих детей у старика не имелось.

Дядя Миша проработал в мастерской почти пятьдесят лет. Да нет, прожил, можно сказать. Если задерживался допоздна, то оставался ночевать, спал на диванчике, укрывшись старым пальто. Утром кипятил воду в кастрюле – плитку сам смастерил – пил чай с сахаром вприкуску, с сухарями, потом забирался на стул, включал настольную лампу, раскладывал на столе винтики, болтики, колесики.

Мастером был – одно слово. До сих пор почти в каждом доме города звучат разными голосами его часы, одни – как у Британского парламента, другие – как в церкви Святого Михаила, третьи – ну прямо аббатство Святой Марии в Лондоне. Если все собрать, точно, музей открывать можно.

DER UHRMACHER ILJA

(Deutsche Übersetzung: Viktor Heinz)

Im Jahre 1935 wurde Onkel Mischa in den Zirkus nicht aufgenommen. Also musste er dringend darüber nachdenken, wie er seinen Lebensunterhalt verdienen konnte. Seine Eltern lagen bereits auf dem Stadtfriedhof begraben, eine Invalidenrente hatte damals solchen wie Mischa nicht zugestanden. Ein alter Uhrmacher hatte Mitleid mit ihm, hatte ihn als Lehrling zu sich genommen und ihm vor seinem Ableben die Werkstatt vermacht. Denn der alte Mann hatte keine Kinder gehabt. Onkel Mischa hatte in dieser Werkstatt fast fünfzig Jahre lang gearbeitet. Nein, sie war eigentlich zu seiner Wohnung geworden. Wenn er sich hier bis zum späten Abend aufhielt, blieb er über Nacht und schlief auf der Couch, indem er sich mit seinem alten Mantel zudeckte. Am Morgen kochte er Wasser in einem Topf auf einem selbstgebastelten elektrischen Tischherd, trank, Zuckerstückchen saugend, Tee mit Zwieback, setzte sich dann auf den Stuhl, schaltete die Tischlampe ein und breitete auf dem Tisch allerlei Schraubchen und Zahnradchen aus.

Kurzum, er war ein großer Meister. Seine Uhren tönen bis heute noch in jedem Haus in verschiedenen Klängen: manche wie die im Britischen Parlament, andere wie die in der Heiligen Michael-Kirche, und andere wieder-

Хорошая у меня работа, говаривал он, шум времени слышно.

А какой он, этот шум, спрашивал Илья, ничего кроме тиканья, жужжания, поскрипывания не различавший. Ну, улыбался часовщик, поживешь – услышишь.

Илью тоже в цирк не взяли – как-то особых талантов не оказалось. А пенсию по инвалидности хоть и платили, да разве ж на нее проживешь. Вот и пошел он учеником к дяде Мише, своему дальнему родственнику – седьмая вода на киселе.

Дяде тоже дело всей жизни завещать некому, завести детей с женой они так и не рискнули. Все тебе оставляю, Илья, сказал он, вернувшись от нотариуса. Знаю, ты в цирк хотел. Не горюй... Кто угадает наперед, может, ты в этой мастерской счастье найдешь. Все, что не делается – не делается к лучшему.

Илья поменял потом только вывеску на двери, а так все осталось как прежде: настольная лампа, диван, пальто. Правда, позже пришлось электрический чайник купить, перегорела плитка, не вечно ж ей служить. Один из клиентов, которому Илья отремонтировал фамильную реликвию, доставшуюся от прадеда, швейцарские часы «Тиссо» выпуска семнадцатого года, помог квартиру получить. Повозиться в ней пришлось изрядно, обои новые клеить, двери красить. Спасибо соседям – пожалели инвалида, помогли.

Нелегко ему на белом свете живется – чтобы включить свет, приходится вставать на стул. Да и с одеждой – проблемы: в «Детском мире» рубашки то с гномиками, то с воздушными шарами. Стыдно взрослому такое надевать. С брюками детскими тоже целая история: в длину – годятся, в бедрах – узкие. Опять клиенты выручили, жена у одного – портниха. Вот она и обшивала.

Низкий стол и подходящие стулья сделал на заказ безработный плотник.

Много всякого приходится переносить. В автобусе вечно кому-то в пуп дышишь, или коленом в лицо заедут. Кто там в давке под ноги смотрит? В парке у каруселей спокойно не посидишь – дети зовут играть, а когда Илья поворачивается и уходит, вслед кричат: «Выбражала, вы-

um – wie die in der Heiligen-Maria-Abtei in London. Wollte man das alles zusammentragen, hätte man sofort ein Museum eröffnen können.

Eine gute Arbeit habe ich, pflegte er zu sagen, man hört den Lärm der Zeit.

Wie hört er sich denn an, dieser Lärm der Zeit, fragte Ilja, der in dem Ticken, Summen und leisen Knarren nichts unterscheiden konnte. Na, warte nur, sagte der Uhrmacher geheimnisvoll, mit der Zeit wirst du es schon hören.

Ilja hatte man im Zirkus auch nicht aufgenommen – er hatte eben kein besonderes Talent dazu gehabt. Eine Invalidenrente hatte er zwar bekommen, aber damit konnte man doch nicht leben. Also ging er in die Lehre zu Onkel Mischa, mit dem er um ein paar Ecken verwandt war.

Der Onkel hatte auch niemanden, dem er hätte etwas vermachen können. Seine Frau und er hatten es nicht gewagt, Kinder in die Welt zu setzen. Ich hinterlasse dir alles, Ilja, sagte er, als er vom Notar zurückkam. Ich weiß, du wolltest beim Zirkus sein. Gräme dich nicht. Wer kann's wissen, vielleicht findest du in dieser Werkstatt dein Glück. Alles, was getan wird, wird nicht immer zum Besseren getan.

Ilja wechselte dann nur das Türschild aus, sonst aber blieb alles beim Alten: die Tischlampe, die Couch, der Mantel. Später musste er allerdings einen elektrischen Teekessel kaufen, die Kochplatte war durchgebrannt, sie konnte doch nicht ewig dienen.

Einer von seinen Kunden, dem Ilja eine vom Urgroßvater geerbte Familienreliquie – eine schweizerische »Tisso«-Uhr, Baujahr neunzehnhundertsiebzehn – repariert hatte, half ihm, eine Wohnung zu finden. Damit musste er sich ordentlich abmühen: Tapeten wechseln, Türen streichen. Gut, dass die Nachbarn mitgeholfen hatten, sie hatten Mitleid mit dem Behinderten, er hatte es nicht leicht im Leben: um das Licht einzuschalten, musste er jedes Mal auf einen Stuhl klettern. Wenn er das Haus verließ, musste er immer etwas Schweres mitnehmen – einen Ziegelstein zum Beispiel –, damit er mit dem Lift fahren konnte, denn dieser weigerte sich oft, eine allzu leichte Last zu befördern. War der Mann doch nur vierzig Kilo schwer. Aber auch mit der Kleidung hatte er Probleme: im Kaufhaus »Kinderwelt« gab es nur Hemden mit allerlei Gnomen und Luftballons darauf. Für einen erwachsenen Menschen war es eine Schande, solche Hemden zu tragen. Und mit den Kinder-

бражала...» Но самое противное – тетка из мэрии, из отдела по работе с инвалидами. Раз в год придет «повесточку» – тогда-то и в такое-то время. Пунктуальная – сроду не опоздает. Три раза в дверь позвонит, промарширует в комнату, поставит Илью на стул – а чего ей, когда в самой центнер, – достанет сантиметр из сумки. И приговаривает: не дай вам Бог вырасти. Пенсия положена только тем, кто не выше метра двадцати. Не вздумайте расти, не то лишим, лишим!

Тетка уходила, лилипут сползал со стула – она все время забывала снять его – сел на велосипед «Орленок» и ехал на работу.

Большой мастер Илья, говорил грузин Рафаэль, державший на углу овощной ларек, все может. Он вам самые старые часы так починит, любой «Сейка-мейка» по сравнению – тьфу, дрянь последний.

В такие минуты Илье и правда казалось, что он большой.

Иногда, когда в парке не оказывалось детей, только взрослые, он разглядывал их, пытался представить, как живет человек, если в нем не метр двадцать роста? Представлялось с трудом. Можно сказать, вообще не представлялось. А уж как жить, если в тебе почти метр девяносто – просто загадка. Это ж сколько тебя всего в высоту, как этой высотой распорядиться – вот о чем подумал часовщик Илья, когда к нему пришла баскетболистка Аня.

Мне вас Рафаэль посоветовал – сложилась она почти пополам, чтобы заглянуть Илье в глаза. Кстати, глаза у него были шоколадного цвета. И вообще парень хоть куда. Ловкий, стройный, волосы густые. Да и баскетболистка красивая тоже, между прочим, крепкая – как грецкий орех. Коса русая, глаза синие, талия тонкая. А что такая вымахала – ну что ж, случается.

Все городские газеты писали потом об этой свадьбе: «Почти двухметровая невеста наверняка станет носить будущего мужа на руках...» Бывало, кстати, и носила. На работу – если снега по колено наметало. Ее, конечно, колено. Ну, не совсем на руках, а на закорках. И на смешки, и на анекдоты типа «женился лилипут на великанше» просто не обращала внимания. Точнее сказать – не слышала. Ну не слышала – и все. К другим вещам прислушивалась. К каким? А вот это уже ее и мужа

hosen war es überhaupt katastrophal: der Länge nach passten sie, in den Hüften aber waren alle zu eng.

Und wieder halfen die Kunden aus. Die Frau von einem war Schneiderin, und die nähte ihm die nötigen Kleider. Einen niedrigen Tisch und passende Stühle fertigte ein arbeitsloser Tischler an.

Und noch viel Anderes hatte er zu ertragen. Wenn ihm jemand in den Bus einsteigen half, stand er mitten im Gedränge und hauchte den Fahrgästen in den Nabel. Oder jemand stieß ihm mit dem Knie ins Gesicht – wer schaute schon bei dieser Drückerei zu den Beinen hinunter.

Im Park ließ man ihn während eines Rummels auch nicht in Ruhe, die Kinder luden ihn zum Spielen ein, und wenn sich Ilja unzufrieden umdrehte und wegging, schrien sie ihm nach: »Klugscheißer, Klugscheißer ...«

Aber das Widerlichste war die Tante aus der Behindertenabteilung der Verwaltungsstelle, Einmal im Jahr schickte sie eine Benachrichtigung, dass sie an einem bestimmten Tag zur bestimmten Zeit erscheinen würde. Und sie kam genau auf die Minute. Sie klingelte dreimal an der Tür, schritt durch das Zimmer, stellte Ilja auf den von den Nachbarn ausgeliehenen Stuhl – was ihr überhaupt nichts ausmachte, weil sie selbst ein Doppelzentner schwer war – und holte das Zentimetermaß aus der Handtasche. Und sie sprach vor sich hin: Sie sollten auf keinen Fall wachsen. Rente steht nur demjenigen zu, der nicht höher als ein Meter zwanzig ist. Also nicht wachsen, sonst werden wir sie Ihnen entziehen.

Die Tante ging weg, der Zwerg kletterte vom Stuhl herab – die Frau vergaß es jedes Mal, ihn herunterzunehmen –, schwang sich auf sein Mini-Fahrrad »Orljonok« und radelte zur Arbeit.

Ilja ist ein großer Meister, pflegte der Georgier Rafael, der nebenan eine Gemüsebude hielt, zu sagen. Der kann alles. Die ältesten Uhren kann er reparieren, im Vergleich zu ihm ist jeder andere ein Lump.

In solchen Augenblicken kam es Ilja vor, als ob er wirklich groß sei.

Manchmal, wenn es im Park keine Kinder gab, sondern nur Erwachsene, sah er sie an und versuchte, sich vorzustellen, wie man sich fühlt, wenn man nicht ein Meter zwanzig hoch ist. Aber er konnte es sich schwer vorstellen. Nein, er konnte es sich überhaupt nicht vorstellen.

Und wie man leben kann, wenn man fast ein Meter neunzig ist, war für ihn überhaupt ein Rätsel. Wie hoch bist du denn eigentlich, wie kannst du

дело. В общем, сияла и светилась. Глядя на нее, легко верилось в одну старую примету – если дотронуться до маленького человека, станешь счастливым.

А детей у них родилось четверо.

И все они теперь – в цирке. Акробат, жонглер, дрессировщик, конферансье. И если папа приходил на представление один, то никто не верил, что эти двухметровые парни – его сыновья. Но люди вообще во многие вещи не верят. А они все равно случаются.

über solch einen Wuchs verfügen, fragte sich der Uhrmacher Ilja, als ihn eines Tages die Basketballspielerin Anja besuchte.

Mir hat sie Rafael empfohlen, sagte sie und faltete sich fast in zwei Hälften zusammen, um Ilja in die Augen zu schauen. Allerdings waren seine Augen schokoladenbraun. Und er war überhaupt ein sympathischer Bursche: flink, gut gebaut, dichte Haare. Aber auch die Basketballspielerin sah übrigens nicht übel aus: hart wie eine Walnuss, die Flechte dunkelblond, die Augen blau, gertenschlank.

Alle Stadtzeitungen berichteten nachher über diese Hochzeit: »Die fast zwei Meter hohe Braut wird wohl ihren künftigen Mann auf den Händen tragen ...«

Zeitweise war es wirklich so. Wenn er zur Arbeit musste und der Schnee knietief lag. Nach ihren Knien gemessen, natürlich. Nicht auf den Händen freilich hatte sie ihn getragen, sondern huckepack. Und auf allerlei Spötteleien wie etwa »ein Liliputaner hat eine Riesin geheiratet« reagierte sie überhaupt nicht. Genauer gesagt, sie hatte so was nicht gehört. Und wenn man nichts hört, hat man auch kein Problem. Was aber manche andere Sachen betraf, so wurde sie hellhörig. Welche eigentlich? Das ging aber nur sie und ihren Mann an. Kurzum, sie strahlte und leuchtete. Wenn man sie in solchem Zustand sah, hätte man an einen alten Spruch glauben können. Onkel Mischa hatte oft gesagt: Wenn du einen kleinen Menschen berührst, wirst du glücklich werden. Offenbar hatte er es deswegen vielen auch erlaubt, seine Hände und seinen Kopf zu streicheln.

Sie hatten vier Kinder bekommen.

Und alle waren sie jetzt im Zirkus tätig: ein Akrobat, ein Jongleur, ein Dompteur, ein Conferencier. Und wenn der Papa zu den Aufführungen allein gekommen war, hatte es keiner geglaubt, dass diese zwei Meter hohen Jungen seine Söhne waren.

Aber die Leute glauben ja sowieso an viele Dinge nicht, die trotzdem immer wieder geschehen.

Раиса ШИЛЛИМАТ

Raisa SCHILLIMAT

Из Вильгельма Шефера

ГРАФИНЯ ХАТЦФЕЛЬД

(Перевод с немецкого Раисы Шиллимат)

Нельзя сказать, что европейские государи представляли перед сыном корсиканского адвоката преисполненные мужской гордости. Некоторые, в щекотливые для них моменты, чреватые немилостью императора или похуже, не пренебрегали даже тем, что позволяли своим жёнам выставлять напоказ их прелести. И делалось это не всегда из такой жестокой необходимости, как в случае с графиней Хатцфельд. Она пала к ногам императора отнюдь не по доброй воле, а лишь ради спасения мужа.

Граф Хатцфельд был, разумеется, не похож на героя¹, который сразу после битвы при Йене повелел гувернёру, прежде чем исчезнуть самому, провозгласить берлинцам, что спокойствие должно быть первой заповедью для бюргера. Этому призыву он весьма изысканно сам попросту не придавал никакого значения. Однако из его переписки с кня-

¹ Речь идёт о князе Фридрихе Вильгельме III, покинувшем город вместе с семьёй перед наступлением французов.

Wilhelm Schäfer

DIE GRÄFIN HATZFELD

Man kann nicht sagen, daß die Fürsten Europas vor dem Advokatensohn aus Korsika mit Männerstolz gestanden hätten; und manche haben nicht verschmäht, die Anmut ihrer Frauen heiklen Stunden vorzuschicken. Nicht immer nur um einen Fußfall zu tun, wie ihn die Gräfin Hatzfeld um ihren Mann aus freien Stücken tat.

Das war nun freilich auch kein Held, der den Berlinern nach der Schlacht bei Jena durch ihren Gouverneur verkünden ließ, daß Ruhe nun die erste Pflicht des Bürgers sei. Auch nahm er sich in Briefen kaum mehr in acht, und weil er mit dem Fürsten von Hohenlohe-Ingelfingen glaubte, daß an der kaiserlichen Macht durch Konspirationen gerüttelt werden könnte, wie sie an den Höfen Europas bis dahin den Boden aller Ungunst bereitet hatte: so brachten seine aufgefangenen Briefe ihn eines Tages vor das Kriegsgericht, so daß er unvermutet fast zum Märtyrer preußischer Freiheit geworden wäre.

Das Todesurteil war schon ausgesprochen, als sich die Gräfin – zur Audienz befohlen – im Jammer um den Vater ihrer Kinder noch ins Schloß begeben durfte. Es war ein winterlicher Herbsttag, der Kaiser im Begriff auszugehen und also schon in Hut und Degen, als sie ihm aller Ängste voll zu

зем Хоенлое-Ингельфинген можно было при желании заключить, что оба они ни больше, ни меньше, как ярые сторонники свержения государственной власти с помощью тайного политического заговора, и что они до последнего момента и заняты как раз тем, что готовят почву для подобного рода неприятностей новому властителю при европейских дворах. Одно из таких писем было перехвачено, и граф предстал перед военным судом, сам того не подозревая, в роли чуть ли не мученика за прусскую свободу.

Смертный приговор был уже зачитан, когда графине, стенающей об отце детей своих, было позволено отправиться к аудиенции во дворец.

Это был ветреный осенний день, государь собирался выйти на прогулку, он был уже в шляпе и при шпаге, когда дама, охваченная страхом, решилась, скрепя сердце, преклонить перед ним колени.

Просительницы приходили к императору ежедневно, и он привык к этому. Ожидающий самого дурного из-за мелочности незадачливых интриганок и будучи заранее раздражён этим, он был готов не дать ей возможности до конца высказаться. На удивление, женщина, кажется, отнюдь не выпрашивала привилегий – она зывала лишь к милосердию. Государь жестом поднял её с колен и, вручив перехваченное письмо её супруга, позволил ей самой прочитать его, вкратце объяснив, что содержание письма заведомо исключает всякую возможность помилования.

Бедная женщина взяла в руки аккуратно сложенный белый лист, цена которому – жизнь мужа. Император в это время беспокоился, как потревоженный зверь, ходил перед ней из стороны в сторону, застёгивая перчатку. Руки графини так дрожали, что надрывали бумагу, а слёзы, струящиеся из глаз, мешали читать письмо.

Император, заложив руки за спину, по привычке остановился у камина и наблюдал за маленькими голубыми всполохами огня, которые весело плясали поверх пышущих жаром углей...

В камине раздался лёгкий треск, и раскалённая искра, в мгновение ока выскочившая из самого пекла, описала дугу и упала прямо у ног властителя, вспыхнув на миг в последний раз и погаснув. Государь привычно, словно на поде брани, отдёргнул ногу, облечённую в сапог из тонкой кожи – ногу, которая на полях сражений уже растоптала немало стран.

Füßen stürzte, nicht um Gerechtigkeit, nur um Erbarmen flehend. An solche Dinge täglich gewöhnt und durch die Kleinlichkeiten schlechter Intriganten aufs übelste gereizt, ließ er sie wenig reden, nur vom –Boden aufstehen und selber einen Brief von ihrem Gatten lesen, der – wie er ihr aufs kürzeste bedeutete – durchaus verhinderte, daß an Begnadigung zu denken wäre. Da hielt die arme Frau das glattgefaltete Papier in Händen, das ihrem Mann das Leben kostensollte – indessen der Kaiser, an einem Handschuh knöpfend, wie ein böses Tier hin- und wiederging-, und weil die Tränen in den Augen sie hinderten, den Brief zu lesen, den ihre Finger fast zerrissen – so zitterten sie – und weil der Kaiser nach seiner Gewohnheit am Kaminfeuer stehenblieb und mit den Händen auf dem Rücken den kleinen blauen Flämmchen zusah, die um den roten Brand aufzuckten, und eine Kohle platzte ab und sprang im Bogen auf ihn zu, daß er den Fuß, der so viel Staaten zertreten hatte, dennoch zurückzog seiner weichen Stiefel wegen: da sprang auch in den Kopf der kleinen Frau ein Funke, daß sie ganz ohne Hast, gleichmütig fast an den Kamin ging und behutsam das Papier ins Feuer legte, indessen sie noch nassen Auges und von der rasch entflammten Glut beleuchtet mit einem Lächeln stiller Art dem Kaiser in das stumme Antlitz sah.

Der zuckte nicht mit einer Hand, versenkte nur sein Auge fast träumend und erstaunt in ihres – und weil er nicht an Diplomatentischen, sondern im freien Feld gewachsen war, wo dem das Spiel gehört, der es tollkühn gewinnt – so sagte er kein Wort, nahm nur mit sanfter Artigkeit ihre Hand, so klein wie seine, und küßte sie. So daß die Gräfin, erst draußen zwischen den Gardisten erwachend aus dem Traum der kühnen Handlung, nicht anders meinte, als daß er ihr wie einer Schwester fast gütig und auch ein wenig scherzhaft zugelächelt habe.

Женщине вдруг показалось, что искра угодила не к могущественным сапогам, а в её смятённую горем и ожиданием худшего голову. В то же мгновение гордая супруга обречённого герцога пришла в себя, хладнокровно подошла к камину, бережно, и почти торжественно склонилась к огню и возложила бумагу на пляшущие языки пламени...

Запылавшее письмо осветило ещё не высохшие от слёз глаза просительницы. Она со спокойной улыбкой взглянула в лицо ошеломлённого императора. Император не успел даже руку протянуть, чтобы помешать ей.

Властитель возрос вовсе не в окружении дипломатов – в далёких полях его родины юноши играли в игры, в которых бесшабашная храбрость являлась мерилom всего.

Задумчиво опустив глаза, не сказав ни слова, он галантно взял её руку – такую же маленькую, как и его собственная – и поцеловал её.

Графиня очнулась от порыва своей безрассудности и сообразила, что произошло только тогда, когда она в сопровождении гвардейцев оказалась на улице.

В чём она была точно уверена, так это в том, что император сердечно и как-то ободряюще-заговорщицки улыбнулся ей, словно своей сестре.

*Ксения Руш – 14 лет
с. Топчиха Топчихинского района Алтайского края, Россия*

Иллюстрация к сказке братьев Гримм «Золотой гусь»

*Из работ, присланных на конкурс детского рисунка в рамках
Фестиваля литературного и художественного детского
творчества, 2012, Вупперталь.*

*Зорина Ушакова – 13 лет,
с. Топчиха Топчихинского района Алтайского края, Россия*

*Иллюстрация к сказке Э.Т.А. Гофмана «Щелкунчик и мышиный
король»*

*Из работ, присланных на конкурс детского рисунка в рамках
Фестиваля литературного и художественного детского
творчества, 2012, Вупперталь.*

Michael
STARCKE

Михаэль
ШТАРКЕ

DER SCHNEE WECKT

er schnee weckt
kluge furcht.

er ist wie ein laken
auf einem bett,
aus dem im augenblick
jemand aufgestanden ist.

manchmal glitzert er
in der blauen stunde,
als habe er
die sterne vom himmel geholt.

der schnee weckt
kluge furcht
vor unbedachten schritten.

СНЕГ БУДИТ

(Перевод с немецкого Евгении Комаровой)

снег будит в душе
осознанный страх.

он как простыня
на постели,
с которой кто-то
только что встал.

иногда он сверкает
в синеве ночи,
как будто он
достал звёзды с неба.

снег будит в душе
осознанный страх
перед необдуманными шагами.

er macht
das tor des sehens weit
und bedeckt die erde,
als wünsche er,
sie zu verbergen
mit ihrem leid für
einen augenblick der ewigkeit.

UNTERHALTSAME FREUNDE

die vögel vorm fenster,
unterhaltsame freunde.

vorhin dachte ich nicht,
wie sich jemand wohl fühlt,
der in der dunkelheit
vergessen wird.

nun schaue ich
auf die erwachende welt,
als ließe sie sich
gefangen nehmen
in einem kamerakasten,
während melancholische erinnerungen
wie in einer schublade ruhen
im tagebuch der zeit
und eine standuhr dröhnt.

die vögel vorm fenster,
unterhaltsame freunde,
von denen ich nicht weiß,
ob sie ein unfreundliches
schicksal beklagen oder
den dramatischen morgenhimmel.

он широко открывает
ворота в видимый мир
и укрывает землю,
как будто он хочет
спрятать её со всеми страданиями
на одно мгновение вечности.

ЗАНЯТНЫЕ ДРУЗЬЯ

(Перевод с немецкого Евгении Комаровой)

птицы за моим окном,
занятные друзья.

недавно ещё
я не думал о том,
что чувствует человек,
забытый во тьме.

теперь я гляжу
на просыпающийся мир,
словно позволивший запереть себя
в тесной камере,
пока
печальные воспоминания,
как в дальнем ящике стола,
покоятся в дневнике времени,
а часы всё стучат и стучат.

птицы за моим окном,
занятные друзья,
о которых я не знаю,
оплакивают ли они
несчастную судьбу
или ненастное утреннее небо.

LANDEINWÄRTS

landeинwärts
treffe ich sie wieder
die buschwindröschen
meiner kinderzeit,
die kerzen der roten kastanie.

von grenzen wusste ich nichts
und konnte nicht fahrradfahren.
beides kam später
wie auch der abschied
von manchen träumen.

der himmel war gespannt
wie ein blaues netz
und kein langweiliger größenwahn
das trockene gleißen des sommers.

keine verzerrten darstellung
entsprach das schöne gefühl
von frieden, angemahnt
und beschworen im abendgebet.

heute, nachdem die erinnerung
an die stille zu verblassen droht,
ist sie das heimweh nach dem ort,
an dem ich
von dieser welt sein durfte.

ВОЗВРАЩАЯСЬ НАЗАД

(Перевод с немецкого Евгении Комаровой)

возвращаясь назад
я снова встречаю
анемоны,
цветы моего детства,
и свечи красных каштанов.

я тогда ничего не знал о границах
и не умел ездить на велосипеде.
всё это пришло позже
как и расставанье
с некоторыми мечтами.

небо тогда казалось
натянутой голубой сетью.
и никакой докучной мании величия
только сухой блеск лета.

чудесное чувство гармонии,
ещё ничем не искажённое,
выплаканное и выпрошенное
в вечерней молитве.

сейчас, когда память
об этом покое грозит поблукнуть,
я погружён в ностальгию
по этому месту,
где я мог быть от мира сего.

SAG DU ES MIR

ist das leben verwegen,
etwas bedeutsames,
an dem wir teilhaben dürfen?

sind wir
unauffälliger bestandteil
einer glaubhaft
erzählten fiktion,
der schrift kundig

und erfahren
mit regenschweren nachmittagen?

unsere endlichkeit,
ist sie die garantie
ewiger wiederkehr,
unaufhaltsam
wie der wuchs des efeus?

und unsere sehnsucht
zu leben, zu sterben,
ist sie ungebührlich?

sag du es mir,
nur einen ton irgendwie!

СКАЖИ МНЕ

(Перевод с немецкого Евгении Комаровой)

скажи мне,
жизнь – это нечто дерзновенное,
нечто значительное,
к чему нам дано приобщиться?

мы лишь незначительные персонажи
правдоподобной
сказки для взрослых,

умеющие сами сочинять
и хорошо знакомые
с пасмурными вечерами?

то, что мы смертны,
может ли быть гарантией
вечного возвращения,
неудержимого,
как разрастанье плюща?
а наша жажда жизни
и жажда смерти,
как их совместить?

скажи мне...
ну, хоть звук в ответ пророни!

SCHREIBE ICH VOM MEER

schreibe ich vom meer,
schreibe ich von der liebe
und ihren salzigen küssen.

jeder weiß, wie dunkel
die liebe sein kann
und stürmisch,
aber auch träge
wie die windstille see.

jeder erfährt ihre nacht-,
ihre schattenseiten
und wie ihr gesicht,
ähnlich wie das des meers,
sich verändern kann.

nicht immer ist es verzweiflung,
der mann nicht entrinnen kann.
schreibe ich von der liebe,
schreibe ich von leuchtfeuern,
von der möglichkeit,
zur see zu fahren,
um dort zu sterben,
ohne den neuen kontinent zu erreichen,
in der hoffung, gerettet zu werden.

КОГДА Я ПИШУ О МОРЕ

(Перевод с немецкого Евгении Комаровой)

когда я пишу о море,
я пишу о любви
и её солёных поцелуях.

каждый знает – любовь
может быть тёмной
и бурной,
но может быть и спокойной,
как море в штиль.

каждому суждено увидеть
её сумрачный, мрачный лик
и постигнуть, что он изменчив,
так же,
как лик моря.

не всегда это отчаянье,
которого не избежать.
когда я пишу о любви,
я пишу об огнях маяка,
о том, что можно уйти в море,
чтобы там погибнуть,
не достигнув нового континента,
обещающего спасение.

Татьяна ЩЕПКИНА Tetyana SHCHERKINA

МИША

Сказка-быль. Посвящается Михаилу Белашову

Жила-была девочка Тата. Осталась она одна-одинёшенька на белом свете и превратилась в дикую рыжую пантеру, которая, как известно, гуляет сама по себе.

Как-то раз попросили её отнести в мастерскую медведей заказ для художника Михаила.

Дверь в мастерскую была открыта, Тата вошла и очутилась среди холстов, мольбертов, красок и кистей... А вот хозяев на месте не оказалось – ушли на обед. Её внимание привлекли два почти готовых портрета, на которых был изображен «кормилец» – так художники называли меж собой вождя Великой Октябрьской революции: спрос на его портреты был неиссякаем, а работа хорошо оплачиваемой. Тате портреты не понравились, она отвернулось от них и неловко задела хвостом открытую баночку с черной гуашью. И... о ужас! Баночка перевернулась, гуашь растеклась по рабочему столу и тонкой струйкой потекла на стул, а со стула на пол. Тата сначала испугалась, а потом подумала: «Семь бед – один ответ!» и обмакнула кисточку своего хвоста в разлитую гуашь...

(Deutsche Übersetzung: Tetyana Shchepkina)

MISCHA

Ein Märchen nach einer wahren Geschichte.

Gewidmet Mykhaylo Belashov

Es war einmal ein Mädchen namens Tata. Sie hatte niemanden auf der ganzen weiten Welt und so wurde sie zu einer wilden feuerroten Pantherin, die bekanntermaßen Einzelgängerin ist.

Eines Tages wurde sie gebeten, einen Auftrag an den Kunstmaler Michail aus dem Atelier der Bären zu überbringen. Die Tür zu der Werkstatt stand offen und Tata fand sich inmitten einer Welt voller Leinwände, Staffeleien, Farben und Pinsel wieder. Die Hausherrn waren aber nirgendwo zu sehen, denn es war zur Mittagszeit und alle waren essen. Tatas Blick fiel auf zwei beinahe fertige Porträts des »Ernährers« – so nannten die Künstler unter sich den Anführer der Großen Oktoberrevolution. Die Nachfrage nach dessen Bildnissen war nahezu unerschöpflich und die Bezahlung gut. Tata mochte die Bilder nicht. Sie wandte sich von ihnen ab und warf in ihrer Ungeschicklichkeit die kleine Dose mit schwarzer Farbe mit ihrem Schwanz um. Die Farbe – »Oh Schreck!« – ergoss sich auf den Arbeitstisch, lief in einem dünnen Rinnsal auf den Stuhl und vom Stuhl auf den Boden. Zunächst erschrak sich

На одном портрете она лихо закрутила кверху усы, и добрый дедушка Ленин превратился в легендарного командира Красной армии Василия Чапаева. На втором – голову вождя пролетариата она украсила копной черных курчавых волос, на переносицу водрузила пенсне, и вот уже на портрете – его друг и соратник Лев Троцкий!

Довольная результатами Тата вышла на свежий воздух понежиться в лучах ласкового солнца. Присела на скамеечку и углубилась в свои мысли.

Тем временем вернулись медведи.

Младший медведь возмущенно пропищал: «Кто разлил мою гуашь? Кто испачкал мой стол и стул?!»

Средний медведь грозно зарычал: «Кто изуродовал моих вождей?!»

И только старший медведь Михаил спокойно произнёс: «А пойду-ка я посмотрю, кто там у нас на лавочке».

Вышел из мастерской: «Девушка, вы, случайно, не меня ждете?»

Тата подняла на него голубые глаза: «Если вы художник Миша, то – да...» И протянула ему заказ. Он пригласил её в мастерскую, Тата повинилась перед медведями, была прощена, и вскоре все четверо пили вкусный чай с ароматным мёдом. Михаилу ужасно не хотелось расставаться со своей новой знакомой, и он пошел провожать ее до ближайшей остановки метро, но подозревая, что это начало их общего пути длиною в жизнь и весна их совместной жизни.

На следующее утро, придя на работу, Тата увидела на столе выполненный заказ, а рядом – букет великолепных красных роз и литровую банку со свежим базарным молоком. Красное и белое, любовь и чистота... Так Миша вошел светлой радостью в ее жизнь. Через два года у них появился маленький Михалыч. Когда он чуть-чуть подрос, то узнал от мамы, что его папа Миша прибыл на эту Землю с далёкой звезды из созвездья Большая Медведица, чтобы сделать наш мир красивее и добрее. Михалыч смотрел на филигранные статуэтки папиной работы, на его скульптуры и ничуть в этом не сомневался...

Жили они долго и счастливо, всё шло своим чередом, лето следовало за весной, осень сменяла лето. Но всему приходит конец. Пришел конец и миссии Михаила на Земле. Настала пора возвращаться на свою звезду, а это ох как нелегко... Он сильно из-за этого страдал. Тата по-

Tata, doch dann dachte sie sich »Wennschon, dennschon!« und tupfte ihre Schwanzspitze in die schwarze Farbe.

Mit einem Schwung bekam der gutmütige Großvater Lenin einen prächtigen Schnurrbart und verwandelte sich so in den legendären Kommandeur der Roten Armee Wassili Tschapajew. Das andere Porträt zierte einen Augenblick später ein Schopf schwarzer lockiger Haare und ein Zwicker – aus Lenin wurde sein Freund und Mitstreiter Leo Trotzki.

Zufrieden mit ihrer Arbeit ging Tata hinaus an die frische Luft, um den warmen Sonnenschein zu genießen. Sie setzte sich auf eine Bank und vertiefte sich in ihre Gedanken.

Inzwischen kehrten die Bären zurück. Der kleine Bär quietschte empört: »Wer hat mein Farbfläschchen umgeworfen? Wer hat meinen Tisch und meinen Stuhl beschmiert?!« Der mittlere Bär knurrte bedrohlich: »Wer hat meine Anführer verunstaltet?!« Nur der ältere Bär Mischa sagte gelassen: »Ich werde mal nachsehen, wen wir da auf unserer Bank haben.« Er ging hinaus und fragte: »Sie warten nicht zufällig auf mich, Fräulein?«

Tata schaute ihn mit ihren blauen Augen an – »Wenn Sie Kunstmaler Michail sind, dann ja...« und reichte ihm den Auftrag. Er lud sie in die Werkstatt ein. Tata beichtete den Bären ihre gewollten und ungewollten Vergehen und ihr wurde verziehen. Schon bald tranken alle vier leckeren Tee mit wohl-duftendem Honig. Es fiel Mischa unheimlich schwer, sich von seiner neuen Bekannten zu verabschieden und so ging er noch ein Stückchen mit bis zum nächsten U-Bahnhof, ohne zu ahnen, dass dies der Anfang ihrer gemeinsamen Reise, die ein Leben lang dauern würde, und der Frühling ihres Weges miteinander war.

Als sie am nächsten Morgen zur Arbeit kam, sah Tata auf ihrem Tisch den fertigen Auftrag und neben ihm einen wundervollen Strauß roter Rosen und eine Flasche voll leckerer frischer Milch vom Markt. Rot und Weiß – Liebe und Reinheit... So trat Mischa in ihr Leben und brachte Frohmut mit sich. Zwei Jahre später bekamen sie den kleinen Michalytsch. Als er etwas älter wurde, erfuhr er von seiner Mutter, dass sein Vater Mischa von einem fernen Stern des Sternbildes »Großer Bär« auf die Erde kam, um unsere Welt schöner und gütiger zu machen. Michalytsch betrachtete die filigranen Statuetten, die sein Vater formte, und zweifelte nicht einen Augenblick an seiner Herkunft.

нимала, что их любовь больше не в силах удержать предстоящую разлуку. Однажды Миша подозвал Тату с Михалычем и сказал: «Я очень вас люблю», вздохнул и незаметно ушёл. Было очень тихо, и только Небо плакало за окном. Ночью выпал снег, и утром весь город был укутан пушистым белоснежным покрывалом. Наступила зима.

С тех пор прошло немало лет. Тата, как только выпадает свободное время, спешит с цветами к Мише. Особенно подолгу стоит она у могилы зимой: красные розы на белом снегу (любовь и чистота) оживляют в её воображении дорогие сердцу картины прошлого. Подруги говорят, что это мешает ей жить настоящим, но они не знают, что с настоящим у неё всё хорошо. Ночами, если нет облаков, Тата находит на небе созвездие Большой Медведицы, на которую они с Мишей так любили смотреть. Рассказывает ей про себя и Михалыча, про их радости и печали, и вообще про жизнь. И звёзды понимающе мерцают в ответ...

So lebten sie glücklich und lange, die Dinge folgten ihrem Lauf, die Jahreszeiten wechselten sich ab, aus Frühling wurde Sommer, aus Sommer Herbst. Und doch geht alles irgendwann zu Ende. So kam auch das Ende von Mischas Mission auf der Erde. Es wurde Zeit für ihn, die Reise zu seinem Heimatstern anzutreten, so schwer es auch für ihn war. Er litt sehr darunter und Tata war bewusst, dass ihre Liebe die Trennung nicht mehr hinauszögern konnte. Eines Tages rief er Tata und Michalytsch zu sich und sagte: »Ich liebe euch über alles.« Er seufzte auf und ging leise davon. Es war sehr still und nur der Himmel weinte hinter den Fensterscheiben. In der Nacht fiel Schnee und am nächsten Morgen war die Stadt von einem weißen, flauschigen Schleier bedeckt. Der Winter kam.

Viele Jahre sind seitdem vergangen. Tata eilt, sobald sie etwas freie Zeit hat, mit Blumen zu Mischa. Besonders lange steht sie im Winter vor seinem Grab. Die roten Rosen auf dem weißen Schnee – Liebe und Reinheit – lassen in ihrem Herzen kostbare Bilder der Vergangenheit aufleben. Ihre Freundinnen sagen ihr, es würde sie daran hindern, die Gegenwart zu leben, doch sie wissen nicht, dass mit der Gegenwart alles in Ordnung ist. Nachts, wenn der Himmel klar ist, findet Tata den »Großen Bären«, den Mischa und sie früher zusammen so gerne ansahen. Sie erzählt ihm von sich und von Michalytsch, von ihren Freuden und Sorgen, von ihrem Leben, und die Sterne funkeln verständnisvoll zurück.

ЗДЕСЬ
МОЖЕТ БЫТЬ
ВАШ

HIER KANN
IHRE

ÜBERSETZUNG

SEIN

Виталий АМУРСКИЙ

Е

сть две Германии, и с немцем
В стихах моих сплошной туман:
Один рифмуется с Освенцим,
К другому рифма – Томас Манн.

Но есть и то, что неделимо,
Как неделим небесный знак,
Как гул вокзального Берлина,
Как связка Марбург – Пастернак.

Землякам в Германии

Покуда облака, как баржи на погрузке,
На Рейне тросы у причалов трут,
Друзья мои, пошпрыхаем по-русски,
Чьё сердце в нём – не так уж много тут.

Замечу, впрочем, не о том забота,
Чтоб обсуждать сердечные дела, –
Мне просто нашей речи позолота
В соседстве с речью гётевской мила.

РОССИЯ И ГЕРМАНИЯ

Москва-река и Шпрее...
Парады. Барабаны.
Там – Иофан, там – Шпеер.
И там, и там – бараны,

В брусчатку шаг вбивая,
Идут – озноб по коже!
Там – клуб, а там – пивная,
Но вывески их схожи.

Там – Мухина, там – Брекер:
Искусство новой власти!
А над Европой ветер
Свистит меж звёзд и свастик.

Двухглав поганый демон –
НКВД, гестапо.
Там – Кирова, там – Тельмана
Не стало.

Россия и Германия,
Как судьбы ваши близки:
Великих целей мании
И – лагерные миски...

ПЛОЩАДЬ БЕБЕЛЯ

Тут – ставился равенства знак
Между книгой и пеплом.

Там – на востоке – убивали писателей
За то, что они были талантливы.

Читая книги, мы победили варваров,
Не заметив, как превратились в них сами.

Как же это случилось? –
Некого мне спросить, кроме своего сердца.

Бутылка рейнского распита.
Соседи – господа в летах.
Немецкий город. Дойче вита.
Чужая вита, скажем так.

Но даже если не чужая,
Её порядком не смущён,
В края другие уезжая,
Скажу учтиво: danke schön.

И, может быть, сквозь птичий щебет,
Где всё как в жизни – на износ,
Мне вдруг послышится: ich sterbe,
Что Чехов тихо произнёс.

Марина БЕЛОЦЕРКОВСКАЯ

МОНОЛОГ ШАХМАТНОЙ КОРОЛЕВЫ

Песня

*«...Фигура ферзь, иногда ошибочно
именуемая королевой»
(из учебника начинающего шахматиста)*

Б

елая клетка, черная клетка.
Война так часто, покой так редко!
Я – полководец. Завидная роль.
Своей королевой гордится король.
Армия справа, армия слева –
Марш-марш вперед! Постоим за честь!..
А я – просто женщина. Я – королева.
Я – королева, а вовсе не ферзь.

Ах, мой король – он ленивый и слабый,
И офицеры вздорны, как бабы,
А каждая пешка лезет в ферзи –
Все любят кататься, а я вези!
Куда ж ты смотрела, праматерь Ева?
Кто мне такую выдумал месть?
Ведь я – просто женщина. Я – королева.
Я – королева, а вовсе не ферзь.

А мне бы петь бы, да танцевать бы.
Когда ж я плясала? Еще до свадьбы.
Теперь не до песен, вся жизнь – война.
Назад ни шагу! За мной страна!
Конец затишью, опять атака.
И хватит плакать! Что толку плакать?
Пока в движеньи еще земля,
Моя задача – спасти короля.
Когда ж бесплотно-крылатые девы
Прощальный гимн пропоют в мою честь,
Знайτε – погибла в бою королева!
Только не ферзь! Ради Бога, не ферзь!

ПОСВЯЩЕНИЕ УШЕДШИМ ПОЭТАМ

Песня

В мире не хватает простоты,
Жизнь сложна, но есть ли в этом толк?
Что ломиться в запертую дверь –
Дверь открыта.
Облетают желтые цветы,
Желтый шелк осыпался и смолк –
Это значит, Мастера здесь нет,
Маргарита!

Поздно рассветает в декабре.
Над тобой не лебеди – грачи.
Что же ты впервые перед тьмой
Оробела?
Может, одеваясь на заре,
Солнце перепутало лучи,
Или Блад ушел за горизонт,
Арабелла?

Можно спать в уюте и тепле,
Можно след оставить на земле,
Но, навстречу ветру, облакам и рассветам,
Рано или поздно, но всегда
Птицы улетают от гнезда,
Отдавая души морякам и поэтам.

И в стремленье к перемене мест
Хоть зови удачу, хоть лови,
Только завтра снова будет так,
Как и прежде...
Распластался в небе Южный Крест,
Сердце остывает без любви,
Остается якорная цепь
И надежда.

Расплескался в небе Южный Крест,
Сердце замерзает без любви,
Неизменна якорная цепь
И надежда.

РОМАНС

Гитарных струн печальный перезвон
Хрустальной гирей на сердце ложится.
Поручик, ваш щемящий баритон
Взлетает, как подстреленная птица.
На вас глядят десятки томных глаз,
Средь них меня заметите едва ли.
И вряд ли вам запомнился тот вальс,
Который вы со мною танцевали.

И вы, беспечно трогая струну,
Мне душу отравляете любовью,
А завтра вам в далекую страну,
Где ждет вас крест на грудь иль в изголовье.
Звучит, звучит задумчивый романс,
Исполненный надежды и печали.
Вы в нелюбви признались мне сейчас,
Хотя весь вечер слова не сказали.

Я поняла в тот вечер у ручья –
Вы улыбнулись мне совсем случайно.
Не разбудить нас в полночь соловьям,
Колоколам не ликовать венчальным...
Ах, сердце, сердце, что же ты болишь?
Клинки часов к разлуке ближе, ближе.
А вы опять, поручик, про Париж...
Так дай же Бог вам счастья в Париже!

Николай БОКОВ

И РОЗА ИЗ ЛИЗЬЁ

И вдруг врачи повели себя иначе: с меньшей заинтересованностью, с большей рассеянностью. В те годы еще не нашли никаких лекарств от СПИДа, и медики как бы и не скрывали, что Анна вышла на финишную прямую смерти. А для меня те годы были золотыми – если такие слова не покажутся слишком контрастными с предыдущими. Золотой век моего фундаментализма, когда Бог сидел у меня на плечах и говорил на ухо, что делать или нет.

СПИД Анны был французский – она получила его при переливании отравленной вирусом крови. Потом во Франции был «скандал зараженной крови», некоторых чиновников грозили оштрафовать. Заболевшие люди умерли.

Я отправился в паломничество в Лизьё, где умерла совсем молодой кармелитка Тереза в девяностых годах прошлого – то есть позапрошлого, 19-го века (теперь и с веками путаница). Городок сей нормандский находится в километрах ста пятидесяти от Парижа, а от него рукой подать до Трувиля, Довилля, и пляжей их знаменитых, и знаменитого дома покойницы Маргариты Дюрас.

Сначала пешком, но не отказываясь и от автостопа, тогда он еще случался, правда, всё реже из-за разбоя на дорогах. Богу угодно было

мое предприятие – так я решил, поскольку в городке Орбек остановился автомобиль, и водительница – пожилая дама крестьянского вида – с голландским акцентом спросила, не нужно ли меня подвезти. И куда же? В Лизьё. Она едет туда помолиться. Зовут ее Ирма.

Тереза умерла 24 лет от туберкулеза и в полном одиночестве – впрочем, бывает ли смерть другою? Окруженная сестрами-монахинями, уже предвкусывавшими, что в их монастыре оказалась святая. Слова Терезы записывались все до единого, и поэтому можно прочесть о ее сокрушении, когда сестры подбирали за ней кусочки одежды ее, бинты, вышивки, листочки бумаги – реликвии изготовлялись как бы на месте, сами – Тереза смотрела на них и повторяла: «Какие же вы глупые, какие вы глупые...» Глупость, к счастью, не помешала записывать. Образ Терезы связан с розами, она их любила, она вышивала. И одну розу я уносил из часовни, ей посвященной, и дальше путешествовал с ней, положив в кусок картонной трубки, на которую наматывают ткань. Ко времени, когда я вернулся в Париж и навестил Анну, ее состояние заметно ухудшилось.

За три дня до смерти ее поместили в больницу Кошон... Врачи откровенно сказали ее матери, что это «в последний раз»... «улучшения» больше не будет. Мать плакала тихонько, запершись в туалете, а дочь, чувствуя что-то, звала ее.

Анна надеялась.

Фундаментализм мой напомнил о практике пострига в монашество *in extremis* и о случаях чудесного выздоровления.

– Время испробовать радикальное средство, – сказал я. – Вам нужно постричься в монашество.

– Ах, нет, – испугалась она. – Как же я буду? Я не готова. Монашкой я жить не смогу!

У меня не было мужества сказать ей: вы умираете. Впрочем, не обесценится ли ее постриг, если она согласится – ради выживания? Она еще прикидывала, каково ей будет после выздоровления.

Она очень мерзла – один из признаков конца – и жестоко мучалась. Выданную грелку наполнили из умывальника почти кипятком.

– Холодно, мама, холодно, – говорила она, страдая неимоверно. Синее лицо, руки, ноги. Грелка не могла помочь этому телу, почти покинутому душой. Мне вдруг пришло в голову нечто, я побежал прочь,

спустился на улицу. В кафе напротив и в мусорном баке скопилось множество пустых бутылок из пластика, из-под минеральной воды. Два мешка для мусора, полных бутылок! Ну и добыча, вот так удача.

Старая женщина и бомж наполняли бутылки горячей водой и обкладывали Анну поверх одеяла, по периметру. Она напоминала теперь средневековую мандорлу, скульптурную миндалевидную форму, куда помещали изображения Христа или Девы Марии. И на грудь, на живот, на ноги положили бутылки. Ей стало легче, она задремывала. Вероятно, ей было неловко, что она отказалась постричься в монахини, и она сказала:

– Нет, я не смогу быть монахиней!

И, помолчав:

– А за бутылочки спасибо.

На следующий день она умерла.

Положение во гроб состоялось на третий день. Когда я приехал с Юрой Х..., Анна уже была убрана и лежала в часовне прощания. Много было цветов – не только от родственников, но и от ассоциации сопровождения умирающих, и от католического прихода... Ждали чиновника из мэрии; при нем кладется крышка, и он опечатывает головки шурупов. Вот он и пришел, худой и спокойный, и служители убрали, как обычно, все цветы, их в гроб не полагается. Остался один цветок – *та самая* роза. Служитель взял ее и... положил обратно рядом с головой Анны. Мигом поставили крышку, и четверо крокмороз – бригада из похоронной конторы – закрутили шурупы. Чиновник – «офицер гражданского состояния», как он именуется по-французски, – плавил сургуч, капал им, прижимал печатку. Ну что ж, можно хоронить.

Спустя, пожалуй, годы мы вспоминали с Юрой тот день.

– До самой последней минуты я ждал! – сказал он. – Вдруг нечто случится – и Анна откроет глаза и воскреснет! Богу ведь ничего не стоит воскресить, не правда ли? Вот была бы история!

И я тогда ждал до последнего мига. Нет, не воскресла. Лишь *та самая* роза.

Борис ВАЙНБЛАТ

В ЙОСЯ

чем я перед тобой провинился, Йося? Почему из множества лиц, живущих в моей памяти, так часто всплывает твое лицо? Может быть, я виноват в том, что родился здоровым, создал семью, жил нормально, то есть как все?

Не могу точно сказать, когда я увидел Йосю впервые. Было это давно, в году сорок седьмом или сорок восьмом. Чем он поразил меня, десятилетнего пацана? Может быть, своими глазами? Большие, как на старинной иконе, в них жило невысказанное страдание. Такое глубокое, что даже мы, мальчишки, – народ быстрый и жестокий, – поняли, Йосю обижать нельзя. И хотя в те послевоенные годы было ему, наверное, лет двадцать, казалось, что его развитие остановилось в шестилетнем возрасте.

Мы все тогда одевались очень бедно, но его пронзительная бедность как-то особенно бросалась в глаза. И в то же время он был одет чисто и аккуратно, даже подчеркнуто аккуратно: ветхая рубашка была латана-перелатана, но зато заплатки подобраны по цвету, а все пуговицы, пусть и разнокалиберные, пришиты. Зимой на нем было пальтецо, из которого он давно вырос. В морозные дни Йося всегда прятал руки в карманах, но так как рукава были коротки, то между ними и карманами

виднелась полоска багровой от холода кожи. И летом и зимой он был обут в легкие парусиновые туфли.

Но больше всего поражала нас его культурная речь. Я, как было принято в нашей мальчишней стаяе, говорил на харьковском суржике, густо приперченном матерком, а уж таких интеллигентных слов, как «разрешите», «извините», не знал вовсе. А Йося знал и употреблял.

Был Йося человеком общительным и болезненно многословным. Занимая длинную очередь в хлебный магазин, подробно рассказывал окружающим, что за хлебом его послала мама, которая предупредила, чтобы он не брал довески. Когда подходила Йосина очередь, то и продавщице он пересказывал мамины наставления.

В то время по нашей улице еще ходил трамвай. Трамвайные пути постоянно ремонтировали и занимались этим бригады, состоящие из молодых женщин, сбежавших в город из голодных колхозов. Йося подолгу смотрел на то, как женщины таскали рельсы, и обращался к одной из них: «Девушка, выходите, пожалуйста, за меня замуж! У меня мама старенькая, она мне говорит, что скоро умрет, а я один жить никак не смогу. Выходите, пожалуйста! Я вас обижать никогда не буду, я буду вас жалеть».

Девушки беззлобно отшучивались.

Каждое лето на нашей улице во множестве появлялись лотки, с которых торговали овощами и фруктами. У нашего дома тоже устанавливали такой лоток. Там орудовала разбитная пережатая пергидролем блондинка Муся. Яблоки, гири, деньги – так и мелькали в ее руках, и всё это сопровождалось таким веселым хамством, что обалдевший покупатель просто не успевал заметить, как его обжогивали. В тот раз Муся торговала белым наливом. Аромат этих замечательных яблок был таким густым, что проходивший мимо Йося невольно остановился у Мусино лотка. Он стоял десять минут, полчаса, час. Муся его не замечала. Наконец, когда у нее оставался какой-нибудь десяток яблок, Муся вдруг вспомнила о Йосе: «Ты чего не покупаешь? Мама денег не дала?». Йося кивнул. «Возьми яблоко, а то весь слюной изойдешь!» – «Мне, Муся, одного мало, мне и для мамы нужно». – «Так бери два! Чудо заморское...»

Лет пятнадцать я не был на нашей улице. Мы переехали в новую часть города, и Йосю встречать не доводилось. Однажды летом я по ка-

кой-то причине оказался в своем старом районе. Около моего дома, как и прежде, змеилась очередь, торговали ставшим к тому времени редким белым наливом. На лотке стояла та же Муся, она заметно постарела и потолстела. Вблизи переминался с ноги на ногу Йося. Он тоже постарел и как-то подался: некогда яркие глаза его потускнели, был он небрит и неухожен, подошвы парусиновых туфель примотаны проволокой. Муся заметила Йосю и хрипло закричала: «Ты чего стоишь? Чего смотришь? Бери яблоки!». Йося взял одно и как всегда вежливо поблагодарил. «А для мамы чего не берешь?» – «Мне, Муся, не нужно для мамы. Нет моей мамочки».

Йося! Что связывает нас с тобой, Йося? Почему я не могу тебя забыть?

А В ГЕРМАНИИ ПОМИДОРЫ НЕ ПАХНУТ

Ефим развернул список продуктов, который перед походом в супермаркет вручила ему жена, и направился к овощному отделу. Он начал было укладывать в пакет самые крупные помидоры, когда сзади кто-то спросил по-русски: «Фима, как вы можете брать эти помидоры – в них же ни вкуса, ни запаха?». Вопрос задала соседка – тетя Фаня. «Так и беру. Без вкуса и запаха они ведь и весят меньше, – пошутил Ефим. – Да и какой может быть запах у помидоров в январе?»

У кассы они опять столкнулись. Старушка загрузила продуктами полную сумку, и Ефим взялся донести ее покупки до дому. Семена рядом, тетя Фаня продолжила начатый в магазине разговор: «Дома помидоры на консервацию мы закупали всей семьей. Марик брал на базар два больших ведра, у Анечки и Сашеньки были ведра поменьше, а я шла с корзиной. Вы не знаете, Фима, какие у нас в Мелитополе базары! Особенно в июле или в августе. Горы, буквально горы всего: арбузы, яблоки, абрикосы, синенькие! А какие помидоры! Золото, а не помидоры. Мой Марик любил их больше всего. А как он их консервировал! Друзья говорили, что его помидоры можно съесть вместе с банкой. Радости хватало на всех: Сашенька мыл помидоры и при этом всегда брызгал на Анечку, которая готовила тару. Анечка визжала и просила: «Мама! Ну скажи ему!».

Банки Анечка мыла замечательно – они у нее блестели, как хрусталь. Марик любил, чтобы в помидорах было всё: листья вишни, смородины, хрен, чеснок, укроп, еще какие-то травы». «А что вы делали, тетя Фаня?» – «Я в это время варила томатную пасту. Знаете, Фима, какие-то помидоры подавятся, помнутся. Не выбрасывать же... У меня был свой рецепт: я клала в пасту немного болгарского перца и метелку сухого укропа. Куда немецкому кетчупу до моей пасты!

Утром я выходила на кухню готовить всем завтрак и радовалась нашей вчерашней консервации. Кухня у нас была маленькая, но солнечная, перевернутые кверху банки так и сверкали. Как это было красиво!» «Ваша семья – здесь, с вами?», – поинтересовался Ефим. «Нет, Марик остался в Мелитополе, он похоронен рядом со своей мамой. Анечка с мужем в Америке, Сашенька уехал в Израиль. Я вот – в Германии. А здесь, Фима, даже помидоры не пахнут»...

КАРЛ И КЛАРА

Как-то я вернулся из школы и застал дома незнакомую женщину. Рядом стояла мама и гладила ее короткий седой ёжик: «Клара! Кларочка, родная! Что они с тобой сделали!». Тетя Клара! Неужели – тетя Клара? Я помнил ее молодой статной женщиной с тяжелым узлом чуть выющихся медных волос. Исчезла она, когда я был во втором классе. В моем присутствии имя тети Клары не произносилось. Однажды я случайно слышал, как папа сказал: «Лёнька – уже взрослый парень. Он должен знать, что с Кларой». Но мама тоном, не допускающим возражений, отрезала: «Рано. Когда начнет заполнять анкеты, тогда всё и расскажем!». Но я и так о многом догадывался.

И вот теперь тетя Клара вернулась. Наверное, около месяца она пробегала по всяким инстанциям, а потом как-то за обедом решительно сказала: «Завтра иду в зоопарк. Попытаюсь вернуть Карлушу».

Карл был большим красивым попугаем, которого тетя Клара привезла с войны. Появился он у нее в году сорок четвертом. Тетя Клара забрала полумертвого попугая у солдат госпитального взвода, которые нашли его голодного в оставленном немцами блиндаже. Солдаты кор-

мили заморскую птицу заокеанской тушёнкой, от которой непривычный к свинине попугай начал болеть. Может быть, в нем текла еврейская кровь? Во всяком случае, нос у него был явно семитский. Хорошо, что догадались снести его к госпитальному терапевту – нашей Кларе.

Я впервые увидел Карла щеголеватым красавцем в ярко-зеленом фраке. Он сидел в огромной латунной клетке и тщательно чистил свои блестящие пёрышки.

Как-то на майские праздники у тетки собрались несколько коллег. Один из подвыпивших гостей просунул в клетку ложку с водкой. Карл, которого прежний хозяин-офицер, вероятно, приучал к спиртному, быстро и как-то боком подошел к ложке и начал пить. Гости были довольны и, конечно, захотели повторить угощение, но тетка категорически запретила. И вдруг всегда молчавший попугай закричал: «Хайль Гитлер! Хайль Гитлер! Зиг хайль!». Бедная тетя Клара! Она вынесла клетку в чулан, но и оттуда на всю квартиру разносился хриплый крик пьяного попугая: «Зиг хайль!».

А через пару дней за тетей пришли. На допросе следователь обвинил ее ... в сионистской пропаганде. Наверное, время было такое – шла борьба с космополитизмом. Единственно, в чем тете Кларе удалось убедить следователя, так это в том, что попугай без корма и воды сдохнет и поэтому ценную птицу надо сдать в зоопарк.

И вот теперь тетя собралась за Карлом. Не знаю, что она говорила, какие доводы приводила, но вскоре к нашему дому подъехала «Победа», и сам директор зоопарка занес в комнату ту самую латунную клетку, в которой сидел виновник теткиных бед – красавец Карл.

Много лет прошло с той поры. Давно нет на свете моих родителей. Мы с женой и детьми живем в Германии. Конечно же, с нами приехала старенькая тетя со своим любимцем. Получили они квартиру в доме для пожилых людей, «сениоренхаузе». Фрак Карла со временем потускнел, но он по-прежнему бодр. Тетя Клара шутит, что Карл возвратился на родину как поздний переселенец и ее с собой прихватил.

Жизнью в Германии тетя Клара довольна, она – активист местной еврейской общины. Недавно прочитала лекцию по истории сионизма. Так что, может, прав был тот следователь КГБ?

Сергей ГРАНОВСКИЙ

Я

не знаю того, что написано в книге печали,
Я не знаю, Господь, что Тобой предназначено мне,
Но ночной звездопад и цветущих каштанов вуали
Память, горькая память всё рисует в предутреннем сне.
В этом сне старый дом, за окном уходящее лето,
Абажур, жёлтый свет, запах детства и ужин втроём.
Как давно это было... О, Господи, было ли это?
Время, чёрная птица, горизонт закрывает крылом.
Горизонт от земли до погоста у дальнего леса,
Где могила, и крест, и малина, что крови красней,
Как последний аккорд до-минорной Божественной Мессы,
Что от неба до неба и обратно в обыденность дней,
Дней начал и концов, дней, неспешно слагающих годы.
Через Лету плывёт нагруженный веками паром,
И сквозь воды забвенья, горькой памяти горькие воды –
Абажур, жёлтый свет, запах детства и ужин втроём.

Лист последний, осенний, оторванный
Закружился в потоке дождя.
Вновь не склеить того, что разорвано.
Не вернуться на круги своя.

Не узнать в птичьей гаме предутреннем,
В тусклых бликах далёких светил
Голос тот, что когда-то с заутрени
Меня в детстве домой приводил.

Век двадцатый растаял, как марево.
Не нашёл я дорогу туда,
Где над лесом колышется зарево,
И гудят об одном провода.

Об одном, что горит ярче яркого,
Поднимаясь, как дым из печи.
Бог Авраама, Исаака, Иакова
Не оставь, не забудь, не молчи.

Людмила ЖУКОВСКАЯ

П ЛЕТО

Лето на полянке танцевало
В лучиках рассвета золотого.
Солнышко встающее сверкало
Над верхушкой дуба молодого.
Птичий хор свои пел песни лету,
И на солнце нежились былинки.
Сказочным сиянием согреты,
Зеленели тонкие травинки.
Под листьями зрела земляника,
Теплый дождик еле слышно капал,
Ель большая около залива
Поднимала солнышко на лапах...

ТИГРЫ В ОЗЕРЕ

Там, где с гор спускаясь, водопады
Вниз сбегая по гряде камней,
В тени леса темень и прохлада
Озеро скрывают от людей.
Лилии цветут на глади тихой,
И в воде мелькают голубой
Вольные цари природы дикой
Тигры с шерстью черно-золотой.
Их глаза сверкают, как рубины,
И трепещут длинные хвосты,
Грозно звери выгибают спины,
Разекая розовые рты.
Зубы их белы и смертоносны,
Когти так остры и так сильны,
Ноздри жадно втягивают воздух,
Нарушая песню тишины.
Будут тигры плавать до рассвета,
Но как выйдет солнце – глаз дневной,
Звери, прячась от прямого света,
Выйдут и сольются вновь с листвою.

ГРОЗА

Грозовые тучи надвигаются
На дождем омытый город мой.
Молнии из неба вырываются,
Осветив все вспышкой золотой.
И стоят деревья одинокие,
Все дрожа, закутавшись в листву.
Громовые трели недалекие
Оглушают жухлую траву.
Под зонтами редкие прохожие
От небесной прячутся воды,
А дома, на острова похожие,
Защищают всех нас от беды.

Ольга ЗУСЬКОВА

Я

ОБЕЩАНИЕ

Песня

скажу тебе завтра
Я спою тебе, слушай,
Я люблю тебя, правда
Я отдам тебе душу

А сегодня я тихий
А сегодня я робкий
А сегодня я птица
И лечу своей тропкой

Но у птицы нет тропок
Нет у них домов душных
Я не буду петь громко
Помашу тебе лучше

Я скажу тебе, правда
Я спою тебе, слушай
Я уйду совсем завтра
Отпусти мою душу

ДОМ НА ПЕСКЕ

Романс

Я построила дом на песке
У реки меж высоких берез.
Ты поставил свой дом вдалеке,
На камнях и забором обнес.

В моем доме цветет белена,
Соловей свою песню поет
И все время приходит весна,
Только в доме никто не живет.

А в твоём – тишина и покой
В нём заморские птицы живут.
Им тепло и уютно с тобой,
Только песен они не поют.

Я тебя не зову никуда,
Я в тот дом прихожу лишь тайком.
Там в реке тихо плещет вода
И следы замечает песком.

Этот дом на песке просто миф,
Просто выдумка, сказка, мираж
Этот дом на песке целый мир –
Может мой, может твой, может наш...

Евгений КАГАН

РОДИНА

Ухмыл чеширского кота...
Свет дальних звёзд, меж дел сгоревших...
Фантомной боли маета...
Раствора – «память»: ни черта
в нём нет; а «след» – «былое»: держит!

Фантомной боли маета.
Иконы угол намолённый...
...Ни моля¹ – нет! (Не: «ни следа»! –
ведь он и есть: в нём! – слава та
гомеопатии хвалёной).

...Фантомной боли маета.
Иконы угол намолённый...
Программа Партии зелёных?..
Ухмыл чеширского кота!

2000 г.

¹ **Моля** – это количество вещества, масса которого, выраженная в граммах, численно равняется его массе в атомных единицах массы.; **единица измерения количества вещества**

ГАСТОН И ГЮСТАВ

(к выходу в свет одноименного романа Оливье Фребура в парижском издательстве «Меркюр де Франс»)

Кире С-р, А. Тойберу

...Я родился в среде гениальных подростков
А.Тойбер. (Фраза, обронённая в личной беседе)

**...Не был фаном я Сталина, ни сторонником Бери.
Не затем открывал интернета портал.
И французской – руанской – смешной – фанаберии,
если честно признаться, ещё не читал.**

**Лишь слышал: есть в Руане... роддом замечательный.
И... схватив под Чернобылем пару сот бэр,¹
оставаясь читателем, но и – мечтателем, –
знал: стоит пред руанским роддомом... Флобер.**

**...Передача была со свободного берега.
Воспитание чувств он хотя и кромсал, –
только – не понаслышке! – всё знал о Флобере я.
Сам он: был – Бовари! (А не только – писál).**

**Потому и теперь средь моих современников –
правнуков-земляков да землячек своих, –
пусть и: мрамор, но – как... человек**

(мол: кремень – какой!), –

**между жизнью и... жизнью! – писатель стоит.
Между миром – живых и... ещё не родившихся.
А – живые: Ахматова, Блок, Мандельштам,
поколение спустя после сталинских «диспутов»
уцелевший вне происков критика Дымища...
(...Не забыть бы, однако, Шекспира и Диккенса!
Удивительно, всё же, устойчивый штамм!).**

**Но и в нашей среде эмигрантов непрошенных, –
не за правду сражающихся, – за живот,
вдруг рождаются два близнеца недоношенных.
И: один – умирает; другой... не живёт.**

¹ Бэр – биологический эквивалент рада. Рад, rad (англ. radiation absorbed dose) – единица измерения поглощённой дозы ионизирующего излучения

Ведь из них одного в ходе лота случайного
(кабы жил, – как бы вышел из комы он той?!..), –
будто с лёгкой руки Повелителя Тайного,
на себя принимает Флобер-Командор:
 ибо – вобранный статуей (охраняемой городом), –
 воплощеньем беды; так никем и не став, –
 лишь чуток погодя, – новорожденным гордым
 умирает увечный младенец Гюстав.
А – рождённый, казалось, едва не под солнцами, –
не с младенческим криком, но: старческий стон
исторгая в куда-то несущийся социум, –
квази-полужильцом! – СУЩЕСТВУЕТ! – Гастон.
 Ведь и в нашей среде эмигрантов непрошенных, –
 не за правду сражающихся, – за живот, –
 вдруг рождаются два близнеца недоношенных.
И: один – умирает; другой... не живёт.

«ДЕТЕКТИВ»

(Шутка-загадка: посвящение ревнителям полной ясности
в поэзии)

М.Н., А.Т., Т.Г., С.П. ea

С моря дул замысловатый,
но отъявленный норд-ост.
Заложил я уши ватой:
простудиться б не пришлось.
 Прямо в брошенной лодчонке
 без руля и без ветрил
 задираю твою юбочку
 пьяный боцман-гамадрил.
Но подробностей – не будет:
забрёдя на огонёк
(помогать ведь надо! – людям),
я – обоим! – и помог...

Владимир ЛАНДКОФ

З

ДОМ, ЯР

а окнами текло школьное время. Оно текло и внутри, но равно, как и в самой школе, ход его был совсем другой. Здесь время очень наглядно расчленилось уроками, переменами, звонками, заданиями, собраниями и многим другим, что тебе неподвластно. Мало, кто из школьников употреблял тогда слово «регламент», но ощущение последнего ловил каждый.

Дворовой поток времени был саморегулируемый, и влияли на него факторы совсем другого порядка. Казалось бы, могли бы влиять погода и климат в целом, но, если говорить не о зимних сезонах, так тоже – нет!

Каждый пацан был фишкой во всеобщей игре, правила которой задавал или яр, или забор, или рельеф местности.

Или такой фактор, например, как появление подзорной трубы. Это был полный восторг. Оказывается, можно рассмотреть то, что происходило по другую сторону яра. Вместо чужой и опасной территории, плохо различимой невооружённым глазом, вдруг обнаруживались признаки копошения. Там тоже шла жизнь. Примерно такая же, как и на своём берегу. Великую силу оптики познали мелкие граждане двора и раньше. Кто-то обнаружил закон, по которому линза умеет собирать

лучи в одну точку. Значит, если поймать солнцепоток и напустить его на уссатый-полосатый, мирно просыхающий на солнце, то через пол минуты оттуда потянется дымок. Теперь можно отбежать на безопасное расстояние и наблюдать, как будет клочкотать тётка, учуявшая запах горелого. Заодно и обучиться некоторым выражениям. В случае особого неистовства – недалеко был яр.

Правила яра странным образом влияли на время, но почти всегда так, что недоросли теряли его реальное чувство, а приобретали своё собственное. Именно поэтому ежедневно в сумерках раздавались кличи мамаш, призывавших своих чад покинуть двор и ступать домой.

«Вииитяаа, домой!» – звучал мощный, как крик Тарзана, натренированный голос с четвёртого этажа и повторялся с равными промежутками до темноты, пока недовольный своей судьбой Витя не шёл понуро навстречу своему реальному времени, а иногда и затрещине.

Гораздо мощнее был зов яра. Яр завлекал неизвестностью, магнетически притягивал каждого, в ком прорастал побег авантюристичности и видения дальних странствий. Яр отталкивал своей брутальностью, почему-то привлекая ещё сильнее. Яр являлся одновременно и путём во внешний мир, и укрытием от невзгод, и естественной границей, отделяющей район Барачной улицы от чужих и враждебных территорий «гражданских домов».

Яр был и Сингапуром, и портом отправки туда, и родной гаванью. Сравнение не случайно – на его дне протекал часто пересыхающий ручей, иногда становившийся полноводным. В эти моменты внизу курсировал корабль, главной частью которого была старая дверь, а двигателем – что Бог пошлёт. Ступить на его борт было счастьем.

Яр был наше всё, как Пушкин для русской литературы.

То, что яр являлся и местом свалки ненужных вещей, пацанов не только не волновало, но и притягивало. Говорили, что в конце войны там можно было найти столько оружия, что хватило бы на небольшой партизанский отряд. Да и потом в яру обнаруживали огромный ассортимент предметов от выкидышей до самолётных частей.

Про яр и двор сочинялись легенды. По одной из них в яр рухнул военный самолёт, направленный лётчиком туда, чтобы спасти дома и людей.

Как след этой истории предъявлялось сорванное металлическое ограждение крыши, якобы зацепленное самолётом.

Весной яр бурно прорастал и даже неслабо расцветал. Изрезанные причудливым рельефом склоны, сочетали глиняные и лысые отроги с заросшими бурьяном поверхностями.

Было сказочно приятно окопаться и залечь в бурьянах, вдыхая запах земли, пыли, цветущей по краю оврага акации и таращиться в небо. Там летал то стриж, то самолёт с авиазавода, то настоящий майский жук или жук-рогач, который мог, подумав, что ты – цветок, свалиться тебе прямо на бошку. Их тогда было так же много, как и клопов.

Иногда это расслабление после дворовых игрещ превращалось в пикник на природе.

В большой консервной банке кипела вода и варились колбасные обрезки не первой свежести, полученные даром на Сумском базаре. Банка ставилась на согнутую П-образно металлическую сетку, под которой горел костерок. В банку, вопреки кулинарным законам, забрасывалась обыкновенная трава, дикий лук и пара картошек, увезенных с базара.

У очага сидели Хоба, Шмарик и ещё кто-то, близкий по возрасту и интересам. А по краю оврага суетливо бегала в развевающихся хитонах Мария Антонна и взывала: – Шурик, ты же сын интеллигентных родителей, как ты можешь есть такую гадость!? Эдику (Хоба), Шмарику (Шурик) и ещё кому-то было волшебено вкусно.

Обед заканчивался десертом. Обдирались кусты акации с белыми семечкообразными цветами. Веточка устанавливалась во рту и мягко вытягивалась обратно. Губы задерживали цветки, которые и пожирались.

Иногда это приводило к дрисне, но не более.

Постепенно каникулярный день заканчивался. Со стороны двора в сторону яра пробрался розовый поток лучей от начинающегося захода. Пыль, поднятая копытами дворовых долдонов, стала оседать, освещённая западными лучами. В этом мареве воздушные струи проделали вертикальные прогалины и картина, как бы, охватила огромным занавесом. Скоро этот занавес совсем закроется перед ночной жизнью.

Но пока что противоположный склон оврага сделался розово-оранжевым из-за глины. Тени от рельефа и торчащих железак изменили геометрию и цвет.

Они стали перламутровыми, а, если попроще – сизо-серыми. Стрижи принялись летать ниже. Жук ушёл в какое-то своё укрытие. Сильно запахло дымом – в районе базара что-то жгли.

Чуки и геки потянулись по домам, не дожидаясь, пока с дальней стороны дома, с пятого этажа звонко и громко закричит Вера: «Дииима, домой!».

Софи Спектор – 8 лет, Вупперталь, Германия
«Жар-птица»

Из работ, присланных на конкурс детского рисунка в рамках Фестиваля литературного и художественного детского творчества, 2012, Вупперталь.

Юрий

РАДЗИКОВИЦКИЙ

В КОГДА ЖЕ ВСЁ ПОКАТИЛОСЬ?

Мы не замечали за собой такой странности: какая-нибудь песенка или несколько строк из неё так иногда привяжутся к тебе, что сил уже нет. Вот так недавно было со мной. Вдруг, ни с того ни с сего, где бы ни был и что бы ни делал: ехал в автобусе, гулял с собакой, работал за компьютером, кушал, занимался в спортзале или плавал в бассейне, – везде себя ловил на том, что я мурлычу постоянно одни и те же слова:

Катилось колесо, колесо.

Катилось далеко, далеко.

Я ему вослед, вослед,

Думал – вот сейчас поймаю.

А его нет. А его нет. Нет! Нет!

Совершенно бестолковые слова. А такие навязчивые! И почему кому-то приспичило бежать за колесом? Оно что ли оторвалось от его машины? А он за ним побежал? А оно... Какой бред, однако!

Но тут мои мысли повернулись в другое русло. Стоп! Ведь интересно, а что если внезапно исчезнут все колёса на белом свете, как то,

что убегало в этой бестолковой песне? Вы можете представить таким наш мир. Нет машин, велосипедов, роликов, скейтбордов, трамваев... Если хотите, то можете сами продолжить этот перечень потерь. Согласитесь, трудно себе представить такое, а ещё труднее вообразить, как жить в таком мире каждому из нас в отдельности. Но ведь когда-то он был таким во времена до изобретения колеса!

А был он таким чуть более 6000 лет тому назад, до того, как появилось первое колесо. И произошло это где-то в Месопотамии у древних шумеров. Месопотамия, или Двуречье, так называлась территория между великими реками Тигр и Евфрат, там, где сейчас находится современное государство Ирак.

Так как никто не знает, кто и как изобрёл первые колёса, то учёные придумали несколько версий, объясняющих, как это могло быть. Все они очень похожи на правду. Но мне больше всего нравится вот такая версия.

Жил-был в те времена один гончар. Гончар – это такой мастер, который делает из глины разные кувшины, чашки, тарелки и другую посуду. Работал он, сидя за столом. Правда, это был не совсем простой стол. Крышка стола, толстая и круглая, с дыркой посередине, надевалась на столбик на уровне живота сидящего гончара. Он эту крышку вращал ногами и руками, при этом придавая комку глины, лежащему на круглом столе, нужную форму и размер. Время от времени эти крышки приходили в негодность. Их выбрасывали, заменяя на новые. Но на этом жизнь старых крышек не заканчивалась. Они становились добычей мальчишек, этого вездесущего народа. Они любили их катать по улицам, а особенно пускать с горок. Крышки катились далеко-далеко, вызывая у детей радость и восторженные вопли.

Однажды один из мальчуганов соединил два круга, вставив толстую палку в их дырки посередине. Затем сел на эту палку между кругами и покатился с горки, поджав ноги. Представляете, какой восторг это вызвало у его друзей и что тут началось. Вмиг все старые круги пошли в дело. А кое-где стали пропадать и новые. Никакие падения, ссадины и ушибы не могли остановить мальчишескую братию. И покатались круги-колёса по шумерской земле!

Взрослые, конечно, заметили новое увлечение своих сыновей. И присмотревшись, по достоинству оценили нечаянное открытие своих

сорванцов. Они догадались, что эти круги, соединённые между собой, можно использовать не только для детских игр, но и для полезных дел. Для перевозки тяжёлых вещей, например. А затем появились разные повозки на соединённых кругах-колёсах. И покатилося колесо по разным странам и среди разных народов!

И я рад сообщить вам, мои читатели, что колесо, одно из самых важных открытий на земле, изобрёл, на мой взгляд, ребёнок. Мне так и видится этот безымянный кудрявый шумерский мальчишка с черными, как маслины, глазами, который, то ли благодаря своей смыслённости, то ли проказливости, осчастливил нас всех на все времена, подарив КОЛЕСО. И жаль, что нигде нет памятника этому парнишке, так изменившему наш мир навсегда.

Алексей РОЗУМОВ

П MEMENTO MORI

...огоди, вот пройдем временной барьер
и почувствуем снова вращенье земли.

А пока – ничего:

ни вибраций, ни мер.

На часах электронных мерцают ноли.

По нулям всё, что сделано было вчера.

Все возможные завтра в пространстве висят.

Знаешь, всем Фазтонам да их кучерам

до начала движенья секунд шестьдесят.

Только что те секунды, когда на нуле

все отсчеты теряют привычную суть?

В это время – не время – густое желе,

где, не то чтоб сказать – невозможно вздохнуть.

Лишь проскочим отметку «ноль – ноль, ноль – один»,
и как рухнут все завтра на головы нам,
зазвенят, как изломы дрейфующих льдин...
А пока – даже пульс наш и тот по нулям.

Нас могло сотни раз в порошок растереть –
ты почувствуй, родная, и не прекословь.
Тут ведет нас путём огибающим смерть
лишь одно это странное чувство – любовь.

Значит, помни о смерти и будь начеку...
Два, три – точка – пять, девять... потом – пустота.
Только кляксы цветные по черновику...
Только свет белизны чистового листа...

В кармане джинс полсотни на гульбу.
И это, знаешь, в дни мои – не мало.
Полсотни, брат, хорошее начало.
А что потом... да я видал в гробу.

Поёт сорокаградусная хмель
и расширяет вены, ноты, строки...
Напоминает, как мы одиноки,
осенний дождь (туды его в качель).

Монетка в луже – тоже мне, сюрприз,
Ты думаешь, всё это на удачу?
А это для меня всего и значит,
что я давно смотрю не вверх, а вниз.

Никто не знает, кем я был рождён,
ползучей тварью или вольной птахой.
Да, я по жизни не клиент Госстраха...
Но кто ж летает под таким дождём?

Внизу своя романтика. Смотри,
наш горный лес грибами запрыщавил,
и прут из-под камней вне всяких правил
окутанные мхом богатыри.

Тут будет кстати мой швейцарский нож.
Закуска задарма – почти что праздник.
И запахом своим добыча дразнит.
Ну где вверху такое ты найдёшь?

Там облака. И только облака.
Свобода...
только что мне до свободы?
Ползу пока нелетная погода.
И пью, конечно,
и грущу пока.

КОГДА ДОМОЙ ВЕРНЁТСЯ ПАПА

Песня

Под стражей плюшевых игрушек
на деревянных самолётах,
под теплотой кошачьей лапы
таятся сказочные сны.
Ничто надежды не разрушит
на предстоящую субботу,
когда домой вернётся папа
с какой-то маленькой войны.

Застыли в воздухе пилоты
на незаметной тонкой леске.
Урчит Мурлыка на постели,
пушистым сфинксом замерев.

Уже которую субботу
коротким времени отрезком
заполнят книжки и качели,
пустив надежду в новый дрейф.

Он обязательно вернется.
Он обещал и он приедет.
Возьмёт с собою на рыбалку
и купит килограмм конфет.
И во дворе вокруг колодца
прокатит на велосипеде.
Еще подарит зажигалку
и, может, даже... пистолет.

А Вовка с Мишкой будут злиться,
что их не взяли на рыбалку.
Заспорят жарко и упрямо,
вослед обиженно крича.
Зато какие будут лица
при виде папиных подарков!
А главное, что больше мама
не будет плакать по ночам.

И будет крыша на сарае
из новой и блестящей жести.
И все чудовища из шкапа
исчезнут, станут не страшны.
И будет жарким утро в мае.
И будем на рыбалке вместе...
Когда домой вернётся папа
с какой-то маленькой войны.

Владимир СЕМЧУК

Ч МОИ МИРЫ

Что нужно для стиха?
Всего лишь маленький
Глоток свободы в тишине.

Мельчайшая частица –
Планета наша
Среди звёзд.
Так кто же мы тогда?

Цветы – прекрасные создания.
Ценою своей жизни
Скрашивают нам жизнь.

О лужи!
Раны от дождя,
Которые зализывает
Солнце.

Смотрю на дерево
С корявыми ветвями,
Оно не идеально –
Мы этим схожи с ним.

Как измерить душу,
Когда нам океан и море
Кажутся бездонными?

Вот и осень.
Обиды все
С души
Листою опадают.

И выпускаем
Мы синицу,
Увидев в небе
Журавля.

Облако шапкой
Упало на вершину,
На миг мечту мою
Закрыв.

Не говорите «да»,
Хотя бы раз
Не оглянувшись.

Поток желаний
Вновь увлѐк меня,
Да так, что
Выбросил на берег.

Хочу потрогать облака,
Ласкающие крылья самолѐту.

Обрывок слова,
Как упавший осенний лист, –
Уж больше
Никому не нужен.

И, подводя итоги,
Ставим точку,
Слегка подумав,
С запятой.

Борис СЕРЁГИН

Е ПОКА НАС АНГЕЛ БЕРЕЖЁТ

Песня

Ещё не поздно всё исправить
И вновь ошибок натворить,
Всё, что ни есть, на кон поставить
И, выиграв, снова просадить.
Ещё не поздно выйти в люди,
Вернуться и пойти в народ,
Пока хоть кто-нибудь нас любит,
Пока нас ангел бережёт.

Ещё не поздно бросить вызов
И получить его извне,
И заказать на выезд визу,
На веки присягнув стране.
Ещё не поздно слово «БУДЕТ»,
Как самолётик, запустить,
Пока хоть кто-нибудь нас любит,
И ангел не устал кружить.

Сказать «прости» ещё не поздно,
Не поздно выдохнуть «прощай»,
Призвать к ответу тоном грозным
И прошептать: «Не отвечай»,
Пусть кто-то праведный осудит,
Поверить в смутное «ПОТОМ»,
Пока хоть кто-нибудь нас любит,
И ангел шелестит крылом.

Пусть зимний ветер лужи студит,
Ещё взломать не поздно лёд,
Пока хоть кто-нибудь нас любит,
И ангел знак нам подаёт.

ГОРЛИЦА

Песня

Отпусти, головушка, прочь поди, тоска,
Да не стучи ты, кровушка, бубном у виска.
Да не гоните, думушки, мутную волну –
То ли с пеной к бережку, то ль с камушком ко дну.

Ох, неймётся молодцу, не живётся всласть
С той поры, как горлица угодила в снасть:
Не желат красавица слуха ублажать,
Как он ни старается птичке угождать.

Позабыл гуляночки да лихих друзей,
Да впряжённых в саночки вороных коней.
Всё-то возле пташечки сутки напролёт –
Поит сам из чашечки да ждёт, что запоёт.

Буйная головушка, чай те невдомёк:
Песен от зазнобушки ждать – уж вышел срок.

То ль виной неволюшка, то ль дружок не мил.
Ах ты, злая долюшка. Да знал бы – не ловил...

И всё гонят думушки, мутную волну –
То ли с пеной к бережку, то ль с камушком ко дну.
Ох, неймётся молодцу, рвётся прочь душа.
Отпустил бы горлицу, да больно хороша.

А ВСЁ МОГЛО БЫ БЫТЬ ИНАЧЕ

Песня

А всё могло бы быть иначе,
Могло... Ей богу вам не вру!
В костюме новом от Версаче
Я проплывал бы по ковру.

В лучах юпитеров потя,
Я излучал бы позитив,
И репортёры, фанатея,
Мой фэйс ловили б в объектив.

И тут бы кто-то неприметный
(Как он, допустим, или ты)
Плеснул из скляночки заветной
Совсем немножко кислоты...

Нет, хорошо, что всё иначе,
Нет, хорошо, что всё не так.
Давай-ка трогай, жизни кляча,
Снежка не чуя, кое-как.

Но всё могло быть по-другому,
Я мог бы быть совсем... другой.
Кружил бы голову любому,
Махая белой ногой.

Глаза невинно опуская,
Я поправлял бы декольте.
И, олигархов завлекая,
Канкан плясал бы в варьете.

Я б вышел замуж по расчёту,
Потом наследника родил.
Давал шофёру бы, пилоту...
Пока бы муж не пристрелил.

Нет, хорошо, что всё иначе,
Нет, хорошо, что всё не так.
Давай-ка трогай, жизни кляча.
Снежка не чуя, кое-как.

Но ведь могло и так случиться –
Я ни о чём бы не жалел
И, прежде чем угомониться,
Благословил бы, что имел:

Смешные детские игрушки
И мамы мягкую ладонь,
И озорные те веснушки,
И ту бедовую гармонь.

Я б точно знал, что не напрасно
Имел я зрение и слух.
Я б знал, что жизнь была прекрасна,
И мирно испустил бы дух...

Нет, хорошо, что всё иначе,
Нет, хорошо, что не уже.
Давай-ка трогай, жизни кляча,
Да придержи на вираже.

Владимир ТУРИЯНСКИЙ

К ПОРТРЕТУ П.Я. ЧААДАЕВА

*Он вышей волею небес
Рождён в оковах службы царской,
Он в Риме был бы Брут, в Афинах Периклес,
А здесь он – офицер гусарской.*

А. С. Пушкин

За старою стеной, где так печаль легка,
Под каменной плитой в ограде монастырской
Спит странный офицер гусарского полка,
Философ и поэт, и ротмистр ахтырский.

Текла река времён, и вырубался лес,
Чтоб парусами стать или макулатурой...
Он в Риме был бы Брут, в Афинах Периклес,
Но в наш двадцатый век он вычеркнут цензурой.

Бумага терпит всё: насмешку и мечту,
Остроты дурака или сонет Шекспира,
Доносы подлецов, хвалу и клевету,
Бумажных голубей или отказ ОВИРа.

Поэтов можно бить «приказною строкой».
Сослать или изгнать – всё могут злые души.
Но разве можно жить на всё махнув рукой,
И Родину любить, закрыв глаза и уши?

Ах, Ваше благородие, ты позабыт страной,
Ты так её любил, что и царям не снится...
В Донском монастыре над каменной плитой
Осенний лист кружит и иней серебрится.

В лесах смоленских да под Вязьмой –
Свинцовый дождичек во ржи.
Братишка мой в рубашке бязевой,
Убитый пулею, лежит.

И в гимнастёрочке зелёной,
В пилотке с красною звездой,
Не знавший женщин, несмышлёный,
Теперь навечно молодой.

Ах сорок третий, сорок третий,
Проклятый сорок третий год,
Когда убитый – каждый третий,
Когда и взвод – уже не взвод,

А после боя на поверке
Хрипит усталый старшина,
Когда солдатская манерка
За недосчитанных полна.

...Потом схоронят под пробитой
Чужими пулями сосной,
С последним словом замполита
Их путь окончится земной.

Под залп за мальчиков военных
Хлебну казённого вина.
«за всех невинно убиенных» –
так тихо скажет старшина.

В лесах смоленских да под Вязьмой –
Свинцовый дождичек во ржи.
Братишка мой в рубашке бязевой
Убитый пулею, лежит.

БАРКАРОЛА

Изумрудную косынку
Ветер треплет мягкой лапой...
Божий храм на повороте,
След случайный на воде.
Облака в прозрачной дымке,
День, клонящийся к закату, –
Превращаются в субботу
В окружающей среде.

Два японца, три француза,
Пьяный финн сидит с китайцем,
Одинокий хрен с сигарой
Их неведомой страны,
Развалившись, греет пузо,
Шевеля на пузе пальцем...
Жека – с пивом, я – с гитарой,
А короче – это мы.

Мы балдеем на припёке,
Берега проходят мимо...
Пиво, вобла, друг, гитара,
В ре-миноре перебор.
Ах, оставьте все упрёки
И не будете судимы, –
Это, в сущности, так мало,
Несерьёзный разговор.

Тает церковь золотая,
В синем небе улетаая,
В разноцветных шортах люди
Восклицают: «Вас ист дас?»
От Суоми до Китая –
Это Родина святая,
Та, которую мы любим –
А она не любит нас...

Не хватает времени, не хватает сердца,
А дороги длинные – не видать конца.
Вьюга замедляет, вьёт свои коленца
И черты стирает милого лица.

Заблудилась наглухо троечка прогонная
И в белёсой замети пропадает след.
Не пробраться пешему, не пробиться конному,
Ни письма, ни весточки ниоткуда нет.

Всё пройдёт, любимая, отболит головушка.
Вот двенадцать пробило, вот и все дела...
В золочёных туфельках убегает Золушка,
Снова печки-лавочки, веник и зола.

Птица сероглазая, маленькая Золушка,
Не грусти, не мучайся, не вздыхай тайком.
Даже в мире сказочном – ты же знаешь, солнышко, –
Не бывает сразу всё просто и легко.

До поры до времени пусть позёмка мечется.
Вот мелькнули в облаке звёздочка с луной.
Мы затопим печечку, мы затеплим свечечку
И spoём тихонечко про тебя со мной.

Не хватает времени, не хватает сердца,
А дороги длинные – не видать конца.
Вьюга заметает, вьёт свои коленца
И черты стирает милого лица.

Полина Каменка – 11 лет
с. Топчиха Топчихинского района Алтайского края, Россия

Иллюстрация к сказке Э.Т.А. Гофмана „Щелкунчик и мышинный король“

Из работ, присланных на конкурс детского рисунка в рамках Фестиваля
литературного и художественного детского творчества, 2012, Вупперталь.

Демьян ФАНШЕЛЬ

ИСКУШЕНИЕ

*«О, знал бы я, что так бывает,
Когда пускался на дебют...»
(Б. Пастернак)*

Так весело всё начиналось,
Так попросту – ласточкой в сени.
Бывало, буянили малость
Поэты, художники, гении.

По-русски где Ваньку валялось,
А где по-французски парле.
Рассеянно в Арле гулялось,
Привольно дышалось в Орле.

Так славно бывает вначале
Участвовать в этой игре
Как сладко, оставив печали,
Торчать первый раз на игле:

Избранником быть, в заповедной стране,
Кругом все чудные, благие,
А ты уже там – в стороне, на струне¹,
Где явь, где реальность – другие.

И дальше, и дальше, и – где уже твердь...
Забавно придумали, черти:
Дорога, ведущая в рай – через смерть –
Есть просто стремление к смерти!

До Фрейда мечтала душа о ноже,
Всенесовершенством ранима;
«Кровь, ухо и нож» – ещё Босха сюжет,
Престранного Иеронима.

Подспудно желания манят туда,
Аскеза и йога – в нирванну.
Там – цель Дон Жуана. А есть – без труда:
Вскрыть вены, сесть в тёплую ванну...

И всё это – способы жизни, братан.
Но если в ней плохо и пусто,
Но если тебе ещё шанс некий дан,
Тогда остается – искусство.

Там можно увидеть такие цветы,
Такие чернейшие ямы!
Там Шпенглера мрачности слишком просты
И розовый бред Фукуямы

Там лепетом детским невнятным разит.
Там нет угомона и края.
Там пишут навзрыд. Там Бог говорит.
И куст там горит не сгорая!

¹ Струна (жарг.) – игла шприца.

Там сможешь (но будут мгновенья редки)
Побыть у черты, у порога,
Где воля – и мраморные завитки
Кровавого уха Ван Гога.

АПОРИЯ

*«Земную жизнь пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу...»
(Данте Алигьери
«Божественная комедия»)*

Догоняю. Полпути. По пояс – стебли.
Мелколесье. Ветки. Лес. Темнеет. Дебри.
Всё пропало. Крови слишком громкий стук
Остаётся только. Сумрак глушит звук.

Я запутался, задумался, залез.
Я – ни с места, я – зенонов Ахиллес.
Что ни тронь, что ни возьми, начни – всё прахом:
Жизнь прожить, бежать за черепахой...

Впрочем, ладно. «Я – особый», – я твержу.
«Я – способен. Погляди. Глядишь?» Гляжу.
То, за чем гонюсь, бегу и мну листву я, –
Очевидно. Очевидно, существует.

Только манит, – да обманет ведь Зенон.
Только – Майя, лабиринт, иллюзион.
Только – крови стук. И звон стоит в ушах.
Цель видна. И всё короче – шаг.

ЗЕРКАЛО

Взгляд бредовый. Простенок.
Перед зеркалом гол.
Чепуха вместо денег.
Вместо дела – глагол.

На какие такие
Продолжать тут игру?
С кем бороться? Стихия.
Видишь в небе дыру?

Там гудение слышно,
Тучи мечутся вскачь.
Ну не надо, не вышло.
Ну расслабься, поплачь.

Отглагольной рифмой,
Не мудря, причитай,
Ненадраенной рындой
Свои склянки считай.

То-то время ужалось –
От среды до среды.
Всё усталость, усталость.
Оглянись посреди:

Славно жизнь получилась,
На судьбу не греши.
Колесом закрутилась.
Понеслась, замутилась...

Но и это как милость.
И спасибо скажи.

Даниил ЧКОНΙΑ

Я

согласен назвать ностальгией

Бесконечно тягучие сны.
Вижу лица, но лица – другие.
И другие приметы весны.

Подступающий миг пробужденья
Не пугает реальностью дня.
Вот бы новую дату рожденья,
Раз уж адрес иной у меня!

Но посмертные слепки снимая,
Счёт ушедшим мгновеньям веду.
Я сегодня, что лошадь хромая,
Сбился с шага и сплю на ходу.

Не задворки, зады, перекопы,
Не обмылки в гремящих тазах...
Я стою посредине Европы
С азиатской тоскою в глазах.

ПОСЛЕ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ

Я ощутил не вечность наших гор.
Не вечны ни ущелье, ни долина.
Они меня переживут, и сына,
И правнука, и всё же это вздор.

О Вечности ревнуя и скорбя,
Я – не о том, что может б ы т ь веками...
Что – дерево? И что – холодный камень?
Душа, одна надежда на тебя!

Свое существованье не прерви!
Ведь нас из тьмы лишь ты выводишь к Свету.
Лишь ты хранишь мгновение любви,
С которым я оплакал землю эту.

Буксир на реке завывает...
Я вышел и сразу промок.
Ну что ж, и такое бывает.
И что мне полночный звонок!
И что мне в твоём интересе –
Куда моё время летит!
Ты где-нибудь в теплой Одессе,
А здесь без конца моросит.
Здесь тусклая сырость нависла.
Не спрашивай лучше, не зли!
Летят перелётные числа
И тают в осенней дали.
Недолго уже до мороза,
Как вечер наступит – ни зги...
Какой-нибудь Бабель с Привоза
Тебе заморочит мозги.

Мерцает холодная лужа,
Буксир завывает, скорбя...
Послушай, найди себе мужа!
Пускай он ревнует тебя!

С концами не сойдутся
Бесследные концы...
Глядишь, уже напьются
Из лужицы скворцы.

Капель слетит на темя –
Прозрачная слеза...
О чём грохочет время?
О чём гремит гроза?

Ещё строка не спета –
О чём? О чём-нибудь.
От февраля до лета
Такой короткий путь.

И прорастает семя,
Согретое лучом...
О чём ты? – шепчет время.
Не знаю сам – о чём.

Генрих ШМЕРКИН

К ВОПРОСАМ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Он не понимал по-русски, зато немного говорил по-немецки. Она – наоборот: почти ничего не понимала по-немецки, зато немного говорила по-русски. Так они и беседовали. Его звали Мартин Шарренбах, её – Светлана Лучкова. Он был местным немцем, она – новоиспеченная аусзидлерша. Он был намного старше её. На целых четыре месяца. Они познакомились в песочнице на шпиль-плаце возле беккерайки. Она первая подошла к нему. А он первый сказал: «Шпиль мит!». Она опустила глаза. Потом он любовался, как она сопя набирала лопаткой песочек в его ведёрко. После каждой лопатки она спрашивала: «Ещё?», а он кивал ей в ответ. Он познакомил её со своим плюшевым слонёнком Тилем. Она вздохнула и вспомнила своих кукол, которые остались дома в Темир-Тау. Потом он пригласил её на качели. Они качались на качелях, а она вдруг стала рассказывать, как летела в самолёте у мамы на руках. У него тоже был самолёт и целый парк автомобилей. В деревянном ящике под кроватью он держал белый «Мерседес», чёрный «Кадилак» и даже одну небольшую пожарную машину, жаль только, без прицепа и с откушенным колесом. Она пригласила его полетать в самолёте. Они

встали с качелей, взялись за руки и, хохоча, стали подпрыгивать, изо всех сил отталкиваясь от земли. Они говорили на разных языках, но понимали друг друга с полуслова.

Их дедушки наблюдали за ними. Они стояли чуть поодаль и тоже беседовали. И хотя разговаривали они на одном языке (на немецком!), дедушка Мартина Шарренбаха никак не мог понять, зачем Светкин дед приехал в Германию и ютится сейчас в общежитии – в одной комнате с дочкой, зятем и маленькой внучкой, если у него был такой просторный дом в Казахстане, и зачем он собирается искать здесь «любую работу», если занимал там такую должность. А Светкин дед никак не может понять, что ж тут непонятного?!

Никак не могут понять друг друга дедушки. Да что со стариков возьмёшь?!

НЕПОСТРОЕННЫЙ ДОМ

Он проснулся от запаха пригоревшего кофе. Жена уже крутилась на кухне, несмотря на выходной. Он поднял жалюзи и распахнул окно. Из недостроенного дома напротив выпорхнула влюблённая парочка голубей, облюбовавшая «незавершённый объект» ещё с прошлого воскресенья. Точь-в-точь как они с женой сразу после свадьбы. Он жил тогда в мужском общежитии, она – в женском, а квартиру в то время они ещё не успели снять.

Он встал, помыкался по квартире и, не придумав ничего лучшего, пошёл принимать душ. Он долго и неподвижно стоял под душем – как памятник под осенним дождём, потом влез в махровый халат и вышел из ванной. Резко захотелось есть, но кухня ещё не освободилась. К аромату кофе уже примешивался запах жареной картошки. Он включил телевизор и стал смотреть какую-то идиотскую передачу с балаболкой-ведущей. Жена вот-вот уйдёт, и он сможет, наконец, намазать себе чем-нибудь булочку, поставить чай, а может быть – и перехватить картошки, если останется. По выходным жена обычно уходила к матери. У той сейчас было что-то не в порядке, а что именно – его не интересовало. Но жена и не думала уходить. И тогда его терпение лопнуло. Он вошёл на

кухню, кивнул жене и включил вассэркохэр¹. «Вчера вечером звонили Шефнеры, – заметила она – а сегодня они припрутся поздравлять тебя с днём рождения». «Я пойду куплю чего-нибудь к столу» – сказал он. «Я куплю сама, – отрезала она, – а ты бы лучше убрал в квартире, или не видишь, сколько пыли?!».

...Он долго протирал их свадебное фото на стене, потом включил пылесос и, тяжело вздохнув, принялся убирать в доме, который они так и не построили...

СЕРЕБРЯНАЯ СВАДЬБА

(Сказка для женщин)

Двадцать пять лет совместного проживания под одной крышей сделали своё чёрное дело. Она стала превращаться в никому не нужную старуху, и от вкуса к жизни у неё осталась только жадность к деньгам и тяга к еде. А он – ..! Он совсем зачах и умирал прямо на глазах. И она поняла, что дни его сочтены, и что он – её прошлое, и пора подумать о будущем. И снова накупила косметики, и снова стала часами вертеться перед зеркалом, примеряя забытые наряды, накручивая бигуди, и – расцвела!

...И, глядя на неё, он ожил, и вышел прогуляться к Рейну, чтобы торжественно разбить бутылку своей микстуры о бронзовую башку барона Людвиг-Франца фон Кайзергейма, основателя города Гофгаузена! А через неделю они сыграли свою серебряную свадьбу. Правда, с небольшим опозданием, но недостатка в гостях и тостах не было. А ещё через двадцать пять лет – они сыграли свадьбу золотую. Но отплясывать на ней, как на своей серебряной, уже постеснялись. Ведь как-никак – уже не дети!..

¹ Wasserkocher (нем.) – электрочайник.